

ТАЇНА
ФОРМУЛЫ УЖАСА

A
♣

ТАЙНА ФОРМУЛЫ УЖАСА

Художник *А. Шахгелдян*

«КНИГИ «ИСКАТЕЛЯ»

ББК 84(2)
Ч 19

«Тринадцатью тринадцать, тринадцать раз!»

Стоит произнести это нелепое заклинание, и оживают безголовые зомби-манекены, исчезает грань, отделяющая человека от зверя, а невинные фигурки жуков, лягушек и мышей наполняются магической силой. Смогут ли справиться с ней два приятеля — Миша с Иваном?

Ответы здесь, в этой книге. Прочтите ее — и вы не пожалеете.

© Е. Чапаева
© Илл. А. Шахгелдян
© Оформление «Книги «Искателя»
© ООО «Книги «Искателя»

ISBN 5-94743-128-9

РАСПЛАТА ЗА ОБМАН

В дверь постучали. На этот раз громче и настойчивей. Немолодой уже, очень грузный, совершенно лысый мужчина отложил на стол толстую книгу, которая лежала у него на коленях, и тяжело поднялся с кресла. Теперь, когда он распрямился, стало видно, каким необычайно высоким ростом обладал этот человек: голова его едва не упиралась в потолок. Впрочем, тот был довольно низок. Засунув руки в карманы старого махрового халата, мужчина, кряхтя и по-стариковски шаркая, поплелся открывать дверь.

— Кто там? — недовольно спросил он. Очень тонкий и какой-то даже писклявый голос совершенно «не клеился» ко всему облику хозяина

дома. Казалось, в горле у этого человека застряла кость или что-то другое, от чего он по неведомой причине никак не может избавиться.

— Это я, Петр Трофимович! — ответил из-за двери звонкий мальчишеский голос.

— Кто это «я»? — раздраженно взвизгнул хозяин.

— Миша Фролов... Я принес, Петр Трофимович. Фигурку принес отработанную... — смущенно оправдывался мальчик.

— Щас... — И Петр Трофимович извлек из кармана своего жутко замусоленного кое-где даже порванного халата, массивную связку ключей. Справившись с тремя замками, гигантский толстяк отодвинул задвижку тяжелого засова и, чуть приоткрыв дверь, впустил, наконец, мальчика в узкий полутемный коридор.

— Какая по счету? — спросил Петр Трофимович и наклонился всем корпусом к Мише.

— Двенадцатая уже, — с гордостью сообщил Миша, заискивающе заглядывая в глаза угрюмого толстяка.

— Что такое? — не расслышал тот.

— Двенадцатая, говорю! Мне последняя фигурка осталась, — стараясь говорить громче, ответил мальчик, а про себя подумал: «Вот черт глухой! Всегда по десять раз переспрашивает!»

— Молоток! — огромной ладонью хозяин с размаху хлопнул Мишу по спине, отчего тот едва удержался на ногах. — Что ж ты такой хилый-то? — ухмыльнулся толстяк и, кряхтя, скрылся за дверью.

Миша знал, что через минуту Трофимыч появится снова. И в руках у него будет круглый небольших размеров металлический поднос. Так

было всякий раз, когда Миша приносил очередную фигурку. Так произошло и теперь. Спустя несколько мгновений в дверном проеме опять возникла могучая фигура хозяина дома.

— Клади! — коротко приказал мужчина и выдвинул вперед поднос. Миша торопливо вытащил из кармана пуховика небольшой холщовый мешочек серого цвета. Он разжал пальцы, и с легким глухим звуком мешочек упал в центр тускло поблескивающего круга.

— А вытаскивать кто будет, Пушкин? — возмутился толстяк.

Смутившись, мальчик взял с подноса серый мешочек, запустил в него пальцы и аккуратно, чтобы не коснуться ненароком самой фигурки, нащупал кожаный узелок. Ухватившись за него, Миша вытащил маленькую изящную лягушку. Фигурка болталась на коротеньком кожаном шнурке и излучала слабое зеленоватое свечение. Ведь в коридоре стоял густой полумрак. А все они, эти маленькие фигурки, имели такое свойство: светиться в темноте. Желтоватая спинка лягушки была покрыта малюсенькими полукруглыми пупырышками, по которым так и тянуло провести пальцем. Но Миша ни на секунду не забывал о том, что сам он до поры до времени не должен был дотрагиваться до фигурок. И пока что (все двенадцать раз) ему удавалось соблюсти это условие.

— Тут постой! — пискляво приказал толстяк и снова, скрывшись за дверью, прошаркал куда-то в глубь дома.

Лицо этого человека было мало симпатичным: массивный нос, толстые губы, рыжеватые, как бы выцветшие, и совсем редкие брови, узкая по-

лоска лба, плавно переходящего в вечно сальную и потому тускло поблескивающую лысину. Помимо лысины и огромного роста, еще одной примечательной деталью в облике Петра Трофимовича были глаза. Про себя Миша называл их «пороссячьими». Хотя взгляд толстяка при этом казался необыкновенно цепким и каким-то даже сверлящим. И когда Трофимыч больше трех секунд задерживал его на ком-то, у человека возникало очень неприятное ощущение проникновения этих жутких маленьких глазок куда-то глубоко внутрь, в самую душу.

Сейчас Миша, как бы избавляясь от этого тяжелого впечатления, передернул плечами и от нечего делать принялся осматривать помещение.

Между тем на душе у мальчика с каждой секундой становилось все тревожней. Тяжелым, мохнатым комом где-то глубоко внутри ворочалось недоброе предчувствие. А «гад-Трофимыч» — так Миша окрестил про себя хозяина этого неприветливого дома — все никак не возвращался.

«И что он там делает? Зачем время тянет? Жалко, небось, с денежками расставаться! — со злостью думал мальчик. — А вдруг он уже раскрыл мой обман? Вдруг толстяку каким-то образом удалось определить, что не тринадцать человек дотронулись до лягушки? Не тринадцать, а всего только восемь... Да нет! Это невозможно. Никак», — попытался успокоить себя Миша. И в этот миг дверь резко распахнулась, с грохотом стукнулась о стену, и в освещенном прямоугольнике дверного проема обозначились черные контуры тучной фигуры хозяина. Первые три секунды только свистящие хрипы вырывались на-

ружу из глотки великана. Сейчас он жутко походил на раненого вепря.

— Ты кого это надуть вздумал! Щенок! — грозно хрипел хозяин. Огромная его туша, подобно танку, неумолимо надвигалась на мальчика. Невольно попятившись, Миша толкнул спиной неплотно прикрытую дверь и, зацепившись о порожек пяткой, едва не покатился кубарем с крутых каменных ступенек крыльца.

— Дурнее себя ищешь? — не унимался Трофимыч. В следующую секунду он замахнулся, и что-то желтоватое и маленькое, вылетев из его руки, упало в снег. Совершенно автоматически Миша отметил про себя: «Лягушка. В меня целился». И ни о чем уже больше не думая, он, не разбирая дороги, бросился со всех ног к калитке.

ПРОЩАЙТЕ, ДЕНЕЖКИ!

Отбежав от дома жуткого толстяка на безопасное, как ему казалось, расстояние, Миша опустился на снег. Но просидел недолго — минуты три. А потом поднялся и пошел, так ни разу и не обернувшись. Столь желанный поход на выставку новейших моделей мотоциклов, похоже, накрылся «медным тазом». И это было совершенно очевидно, потому что больше недостающие 150 рублей ему взять негде. Собственно говоря, именно из-за этого злосчастного билета все и произошло. Уж больно хотелось Мише попасть на выставку со звучным названием «Авто-мото-экспо». Ведь мотоциклы с недавних пор стали его самой настоящей страстью! Билет стоил 300 рублей, а собственных денег у мальчика было только 150. И вот тогда-то Миша и решился на

безобидный, как ему казалось, обман: отнести Трофимычу фигурку, до которой дотронулось только восемь человек, а не тринадцать. Он не стал бы этого делать, но ведь завтра выставка работала последний день! А найти где-то целых пять человек — задача не из легких! Не просить же, в самом деле, незнакомых людей на улице: «Дяденьки, тетеньки, дотроньтесь, пожалуйста, до моей лягушечки! Ну что вам стоит?»

Впрочем, «медным тазом» накрывался не только поход на мотовыставку, но и заманчивая перспектива получения премии. Каждому, кто принесет тринадцать честно «отработанных» фигурок, обещалась премия. Весьма солидная, надо сказать, премия: аж 13 тысяч рублей! А теперь на фигурках можно поставить крест. Окончательно и бесповоротно. И это было ужасно досадно и обидно, ведь ему оставалась последняя, тринадцатая. Интересно, каким бы животным она оказалась? Тигром? Или, может быть, морским котиком? Да что уж теперь гадать, когда «поезд ушел»! Словом, с денежками можно было попрощаться.

Успокаивало лишь одно: он никогда больше не вернется сюда, в этот мрачный дом. И никогда не увидит отвратительную жирную рожу Трофимыча. Так думал Миша, шагая по узкой, утоптанной за день тропинке. Путь его лежал вдоль высоковольтной линии. Всю ночь падал снег, и по обе стороны тропинки высились довольно-таки приличные сугробы. Хотя шла только вторая неделя ноября...

Вообще-то всю эту канитель с фигурками, изображающими разных животных, Миша воспринимал как игру. Пусть изрядно странную, ни на

что не похожую, загадочную, не понятно кому и для чего нужную, но все же игру! Причем поначалу игра эта казалась Мише даже увлекательной и забавной... Про себя Миша назвал ее «пятнашками». Все, кто дотрагивался до фигурки, оставляли на ней как бы новое пятнышко. То есть «пятнали» ее. Задача осложнялась еще и тем, что каждый человек непременно должен был дотронуться до фигурки сам. В смысле, сознательно. Если бы такого условия не стояло, всё было бы значительно проще: ведь незаметно прикоснуться малюсенькой фигуркой до чьей-либо, скажем, руки, дело, согласитесь, несложное. Но мало того! Люди эти не должны были повторяться. Если допустим, до фигурки волка дотронулся некий Иван Иванович Пупкин, то он, этот самый Иван Иванович, ни до какого другого зверька дотрагиваться уже не мог. Тринадцать разных животных, и до фигурки каждого должно дотронуться тринадцать разных человек! И все это нужно было успеть проделать за тринадцать месяцев. Система такая: приносишь толстяку «отработанную» фигурку, он ее забирает и выдает тебе новую, какого-нибудь другого зверька. Если успеешь раньше чем за тринадцать месяцев — хорошо, а вот позже уже никак нельзя! Сейчас приближалась середина ноября, а стало быть, не сегодня-завтра истекали отпущенные на сбор фигурок тринадцать месяцев. Точная дата по каким-то причинам хранилась Трофимычем в тайне. Такие вот «пятнашки». Да, вот еще что: за каждую «отработанную» фигурку Миша получал 169 рублей. Именно 169, а не 170!

Согласно тому самому договору, где черным по белому было написано: заказчик обязуется выплачивать исполнителю по 169 рублей за каждую «отработанную» фигурку. Да и все остальные условия и правила «игры» в том договоре были ясно и четко означены. Но об этом чуть позже...

«Что ж, прощайте, денежки! И все-таки непонятно, как он сумел определить, что «пятнышек» на лягушке не хватает? Просто мистика какая-то!» — вот уже в сотый раз Миша мысленно задавал себе этот вопрос, шагая по утоптанной за день тропинке вдоль высоковольтной линии. Да, многое бы он сейчас отдал, чтобы разгадать тайну толстяка...

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Дом Трофимыча одиноко стоял на отшибе, у самого леса, на окраине одного из подмосковных дачных поселков. Недалеко от него начиналась высоковольтная линия. И если идти вдоль нее: мимо поселка, потом через лес, то за полчаса можно было дойти до небольшого подмосковного городка Пушкино. А оттуда на электричке до Москвы минут сорок пять езды. К моменту, когда вдалеке замаячили очертания маленького черного силуэта, Миша преодолел уже примерно половину пути. Он прибавил шагу. В эти минуты ему было так тоскливо и одиноко, что встреча с живым человеком, пусть даже незнакомым, казалась неожиданной удачей. Хоть парой слов с кем-то переброситься. Сколь же велика была Мишина радость, когда он вдруг узнал в человеке, который двигался ему навстречу, знакомого! Впрочем, «знакомого» — это, конечно, сильно

сказано. На самом деле Миша даже не знал, как зовут этого мальчика, не знал, сколько ему лет. Да и вообще ничего не знал. Они встречались лишь раз — на том памятном общем собрании, которое проходило прошлой осенью, в октябре. Поэтому сейчас Миша испытывал некоторую неловкость: как заговорить с незнакомым, в общем-то, человеком? И, опасаясь, что мальчик скажет: «Извини, парень, мне некогда» — да и пойдет дальше своей дорогой, Миша, сам того не ожидая, начал вдруг торопливо сыпать вопросами, не делая между ними никаких пауз:

— Привет! Ты к нему? Фигурку принес, да? Слушай, у тебя часы есть? Который час? Холодно, правда? А как тебя зовут?

— Иван, — проговорил слегка опешивший мальчик, отвечая на последний из всего множества внезапно обрушившихся вопросов. Потом он вынул из кармана правую руку и протянул ее Мише.

— Михаил. — Миша крепко и с нескрываемой радостью пожал руку Ивана. — Слушай, у меня сейчас с Трофимычем стычка произошла... Короче, он злой, как зверь...

— А что случилось? — заинтересованно спросил Иван. Казалось, он тоже был рад с кем-нибудь поболтать.

И тогда Миша, призвав на помощь все свое красноречие, поведал Ивану о том, что с ним приключилось пятнадцать минут назад.

— Обидно, конечно... Предпоследняя фигурка — и так лажануться! — сочувственно протянул Иван.

— Не то слово!

— У меня, кстати, тоже двенадцатая. — Иван похлопал себя по груди, где во внутреннем кармане, очевидно, лежала фигурка.

— А ты что, все двенадцать раз по-честному тринадцать человек набирал?

— Ага, — кивнул Иван. — Я вообще такой... Дико честный. — И он сам улыбнулся своей шутке.

— Да если б не эта выставка! — начал было оправдываться Миша, но Иван перебил его:

— Слушай, а что это за фигурка была?

— Лягушка, а что? — вопросом на вопрос ответил Миша.

— Так ведь и у меня тут лягушка лежит! — радостно воскликнул Иван.

— Ну и что?

Иван не ответил. Глаза его блестели, казалось, мальчик что-то замыслил.

— Так, говоришь, он твою лягушку в снег бросил?

— Хотел в меня, но не попал...

— А мы сможем ее найти, как ты думаешь?

— Не знаю... — с сомнением протянул Миша. — Скоро вообще-то стемнеет... Но попробовать можно.

— Так пойдем же скорей! — Иван нетерпеливо дернул Мишу за рукав куртки.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЛАН

А план Ивана, как и всё гениальное, был предельно прост: в случае, если им удастся отыскать в снегу лягушку, Иван подсунет ее Трофимычу вместо своей. А Мише надлежало спря-

таться во дворе Трофимыча, а потом, когда тот скроется в комнате, унося на подносе «фальшивую» лягушку, проследить в окошко за его дальнейшими действиями.

— А ты представляешь, как он дико разозлится! Вторая подряд «фальшивка»! Это же подстава! Да он убьет тебя, Вань! — Миша по-настоящему беспокоился за своего нового товарища.

— Не убьет, — отрезал тот, прибавляя шагу.

— Денег за фигурку не заплатит! Как мне.

— Заплатит.

Металлические ворота оказались незапертыми, благодаря чему мальчики смогли беспрепятственно проникнуть на участок толстяка.

— Ну, давай, вспоминай, куда она упала? — шептал Иван, беспокойно озираясь по сторонам.

— Куда-то сюда, кажется. — Миша указал рукой на небольшой сугроб, высившийся по правую сторону каменных ступенек. И тут оба мальчика одновременно увидели в снегу ямку, напоминающую неглубокую узкую воронку. Иван наклонился и запустил в снег руку, одетую в кожаную перчатку. В следующую секунду он держал на раскрытой ладони крошечную лягушку с поднятой вверх мордочкой.

— Прячься! — скомандовал Иван и решительно постучал в дверь.

КРУГ В КРУГЕ ИЛИ ЗОЛОТЫЕ РОГА

— Кто там еще? — недовольно взвизгнул Трофимыч из-за двери.

— Это Ваня Беспалов. Я фигурку принес, Петр Трофимович...

— Фигурку он принес! Ты бы еще ночью пришел! Часов, что ли, нету?

Но вскоре, однако, послышалось натужное кряхтение и бряцанье ключей.

Миша выглянул из-за угла. И прежде чем дверь со скрипом отворилась, Иван подмигнул ему: «Не волнуйся! Все будет о'кей».

— Чего так поздно-то? — ворчал неприветливый хозяин.

— Очень деньги нужны, — слышался робкий и извиняющийся голос Ивана.

— Чего?

— Деньги, говорю, очень нужны. — Иван давно уже заметил, что толстяк туговат на ухо. Этим же объяснялась его неприятная манера во время разговора пристально вглядываться в губы собеседника.

— Ишь ты! Деньги ему нужны... Деньги... Ладно. Стой тут.

«Пошел за подносом, — отметил про себя Миша. — Надо действовать быстрее!» Сейчас он чувствовал себя шпионом или разведчиком, которому было поручено ответственнейшее задание.

Окно, возле которого он стоял, оказалось наглухо закрытым ставнями. И тогда Миша решил обежать весь дом кругом. А вдруг Трофимыч позабыл закрыть какое-нибудь окошко? Увы! Все до единого окна этого двухэтажного дома были плотно закрыты ставнями. Причем изнутри!

Разочарование мальчика было столь велико, что поначалу он даже не заметил довольно-таки широкую полоску света, падающую на снег. Это была щель в ставне! Миша, позабыв об опасности, кинулся к этому окну, но тут же спохватился и начал действовать осторожно. Беда же состояла еще и в том, что окна в доме Трофимыча начинались довольно высоко от земли, и, когда Ми-

ша, встав на цыпочки, заглянул в щель между ставнями, то ничего, кроме кусочка стола, он, как ни старался и как ни подпрыгивал, разглядеть не смог. Нужно было срочно найти какой-нибудь ящик или ведро... Словом, подставку. Но поскольку во дворе не горело никакого ни фонаря, ни даже лампочки, то отыскать в темноте что-либо подходящее оказалось совсем не просто. Однако и с этой задачей Миша справился! Теперь нужно было действовать быстрее: ведь Иван наверняка уже подсунул Трофимычу «фальшивую» лягушку, и, значит, Миша мог пропустить самое главное!

Красное пластмассовое ведро оказалось прочным: стоя на нем, Миша мог спокойно, не опасаясь потерять равновесие, наблюдать за всем, что происходило в комнате. А происходило там нечто необыкновенно странное и чрезвычайно таинственное!

Всем своим великанским корпусом Трофимыч склонился над круглым, обтянутым темно-зеленым не то сукном, не то кожей, столом. На столе горела керосиновая лампа, стояло множество разновеликих и разноцветных, похожих на старинные, стеклянных флакончиков. В центре же его находился поднос с фигуркой. Приглядевшись к очертаниям маленькой желтоватой статуэтки, Миша легко узнал в ней лягушку. С правой стороны, чуть поодаль подноса, из металлической, узорчатой оправы поблескивало небольших размеров овальное зеркало. На самом краю стола лежала толстенная, похожая на амбарную, с пожелтевшими от времени страницами, книга. Она была раскрыта. И именно над ней и склонился сейчас Трофимыч, очевидно, что-то

записывая. Из-за его плеча выглядывал краешек черного пера. «Надо же! — мысленно изумился Миша. — Стихи он там сочиняет, что ли?! Тоже мне, Пушкин, блин, наших дней!»

Отложив в сторону большое черное перо, Трофимыч распрямылся, и огромная, черная тень легла на красный круг стола. Потом он повернулся к Мише спиной и направился куда-то в глубь комнаты. Подойдя к стене, он снял с нее какой-то огромный, сделанный из блестящего желтого металла предмет. И только когда толстяк водрузил сие странное сооружение себе на голову, Миша с изумлением понял, что это... золотые рога! Однако самое удивительное было еще впереди! Вернувшись к столу, рогатый толстяк взял двумя пальцами один из флаконов, поднес его к носу. Пузырек оказался открытым. Потому что Трофимыч, как это обычно делают химики, когда им нужно определить запах той или иной жидкости, ладонью свободной руки сделал над флаконом несколько характерных движений, как бы подгоняя запах поближе к носу. После этого он поставил пузырек на место и, снова взяв то самое черное перо, которым только что писал, опустил его кончик во флакон. Затем Петр Трофимыч принялся легонько встряхивать пером над фигуркой лягушки. Все это очень походило на сцену из какого-то мистического триллера. И Миша почувствовал вдруг сильное желание покинуть свой «наблюдательный пункт». Но, вспомнив, что там, в полутемном коридорчике, переминаясь с ноги на ногу, стоит Иван, мальчик тяжело вздохнул и продолжил «наблюдение за объектом».

А «объект» тем временем потянулся рукой к

краю стола и нажал на небольшую, размером не больше теннисного шарика, кнопку. По причине того, что кнопка была черной и почти сливалась с темно-зеленым покрытием стола, Миша не разглядел ее сразу. Потом губы толстяка разомкнулись и зашевелились. Говорит что-то, понял Миша. И вдруг он увидел, что все пространство стола начало медленно разделяться на две части. Вернее, на два круга: внутренний и внешний. То есть столешница являла собой конструкцию, которую можно было бы назвать «круг в круге». И тот, который был внутренним, очевидно, приведенный в движение той самой черной кнопкой, теперь, медленно выползая, чуть-чуть, сантиметра на два, возвышался над внешним. Металлический же поднос с лягушкой оказался

на нем, на этом самом верхнем выдвинувшемся круге, занимая собой почти все его пространство. Иными словами, стол из обычного превратился в двухъярусный. «Как круг на сцене», — подумалось вдруг Мише. И сравнение это оказалось неожиданно точным, потому что в следующую секунду этот верхний круг, подобно сценическому, начал медленно-медленно вращаться. Миша понял это, глядя на лягушку. Сейчас она как раз подъезжала к зеркалу, которое крепилось, очевидно, к самому краю другого, внешнего круга. И теперь, за счет того, что внутренний круг немного поднялся, зеркало выглядело как бы усеченным снизу овалом. И вдруг вся поверхность зеркала вспыхнула и озарилась ослепляюще ярким голубоватым светом. Затем сверху до низу по нему пробежала остроугольная, ломаная, похожая на молнию, змейка. Мише даже показалось, что он услышал электрический треск, издаваемый ею. А потом все погасло, и зеркало приобрело свой прежний, обычный вид. «Лягушка поехала дальше!» — сообразил Миша. Неожиданно Трофимыч резким движением сорвал с головы золотые рога и, отшвырнув их на диван, с необыкновенной стремительностью схватил с подноса фигурку. Спустя мгновение толстяк в бешенстве выбежал из комнаты.

13 РАЗНЫХ ЛИЦ

«Ну ни фиги себе!» — только и подумал Миша, прыгивая с пластмассового ведра на снег. Теперь из подсматривающего шпиона ему предстояло быстренько переквалифицироваться в подслушивающего. Подбежав к углу дома, он при-

таился и замер. Не прошло и секунды, как мальчик услышал разъяренное, с присвистами, «хрюканье» толстяка:

— С ума, что ли, все посходили?! Что ты мне подсунул, гаденыш?!

— Я сейчас все объясню, Петр Трофимыч, миленький! Я их перепутал, лягушек этих, понимаете? — тараторил Иван. — Она в сугробе валялась! Во дворе у вас, честное слово! Они же абсолютно одинаковые! Это не моя лягушка! А моя — вот она! Возьмите!

— Нечего чужое хватать! И не лягушка это, а жаба! Ясно тебе? — уже более миролюбиво проворчал толстяк, видимо сообразив, что мальчик говорит правду.

— Ясно, — покорно ответил Иван.

— Шастаете тут, только время отнимаете! Давай сюда! Да за шнурок подавай!

— Но вы же обычно с подносиком выходите... — заискивал Иван.

Дальше Миша подслушивать не стал, хотя голоса еще продолжали звучать. Но все, что нужно было услышать, он услышал. Теперь мальчик снова спешил на свой наблюдательный пункт.

Войдя в комнату, толстяк не пошел к столу, как того ожидал Миша, а тяжело опустился на диван. Какое-то время он сидел неподвижно, уронив голову на грудь. И чтобы чем-то занять себя, Миша принялся разглядывать комнату. А тут можно было увидеть много необычных вещей: в кресле, накрытом бархатной бордовой попоной с кисточками, лежал огромный размеров... череп. Судя по вытянутой форме, он принадлежал лошади. Так, во всяком случае, подумал не искушенный в этих вопросах Миша.

На стенах были во множестве развешаны картинки с изображением разных животных: бегущих, лежащих, поодиночке и во множестве. Так, на одной из таких картинок Миша увидел целое стадо каких-то баранов с закрученными спиралью рогами. «Юный натуралист!» — со злостью подумал он и продолжил изучение странного интерьера.

Тут взгляд его привлекла висящая на стене волчья шкура. Пасть хищника была раскрыта и устрашающе щерилась множеством крупных белых зубов. Повсеместно — на трюмо, шкафу, тумбочке — стояли чучела более мелких животных. Среди них Мише удалось различить огромную белую крысу, трех подвешенных под потолком летучих мышей, чучела какой-то крупной хищной птицы и здорового пятнистого кота. Должно быть, камышового. Но остальных деталей убранства сей странной обители Миша разглядеть не успел, потому что, поднявшись с дивана, толстяк медленно, тяжело и неотвратимо приближался к столу. Как раз в этот момент Мишин взгляд успел выхватить еще один предмет, казавшийся в этой комнате абсолютно чужеродным: музыкальный центр. Он стоял справа от стола, на тумбочке, и был достаточно современным, с множеством всяких «наворотов». Уж в чем, в чем, а в аппаратуре Миша разбирался!

«Надо же, — мысленно удивился он, — этот монстр еще и музыку слушает!» Тут тот, кого он только что назвал про себя «монстром», снова водрузил на лысину отливающие золотым блеском рога. На подносе же, сдвинутая к самому краю, чтобы не оказаться прямо напротив зеркала, уже стояла лягушка. Вернее, как только что выясни-

лось, — жаба. На этот раз фигурка была «честной», до которой, благодаря ответственности и стараниям Ивана действительно дотронулось тринадцать человек. «Все дело в зеркале!» — прошептал Миша и приник носом к холодному стеклу. Трофимыч протянул руку к той самой черной кнопке и, как показалось Мише, всем своим весом надавил на нее. Внутренний круг, а вместе с ним и маленькая жаба тронулся с места. Мишино сердце стучало сильно и часто. Круг двигался чрезвычайно медленно. Но вот через какое-то время фигурка оказалась напротив зеркала. Снова синеватый всполох, похожий на фотовспышку... И тут Мише показалось, что в зеркале на миг появилось чье-то лицо. Появилось и сразу же исчезло. После чего зеркальная поверхность приобрела свой прежний вид. А круг между тем начинал уже второй оборот. И сейчас — или это только чудилось мальчику — он крутился чуть-чуть быстрее. И когда фигурка оказалась снова напротив овального зеркала, в короткой и яркой вспышке Миша успел разглядеть даже маленькие черные усики на лице, отразившемся — теперь он был уверен в этом — на краткий миг в зеркале. Третий круг — и снова вспышка и лицо. На этот раз женское. Мишин взгляд успел даже выхватить ее рыжую меховую шапку. Нет, мальчик не ошибся: круг действительно набирал скорость. Причем стремительно. Теперь лица, чередуясь вспышкой, то и дело сменяя друг друга, мелькали, отражаясь в овальном экране. Вспышка, лицо. Вспышка, лицо... У Миши даже в глазах зарябило от мельтешения. Но когда все кончилось, в голове у него почему-то вертелась цифра тринадцать. И с удивлением мальчик понял,

что, по всей видимости совершенно автоматически, он подсчитывал количество проделанных фигуркой кругов...

А стало быть, и отраженных в зеркале лиц... Теперь с уверенностью можно было сказать: тайна толстяка разгадана! И состояла она в том, что каждая фигурка, если только она не являлась «фальшивой», должна была «показать» в зеркале 13 разных лиц. И, очевидно, это были лица дотронувшихся до фигурки людей. Это предположение легко проверялось: два лица, по крайней мере, Миша запомнил очень даже хорошо — мужика с усиками и даму в рыжей меховой шапке. Он просто спросит у Ивана, дотрагивались ли такие люди до этой фигурки?

И тогда все окончательно прояснится.

СРЕДИ БЕЗГОЛОВЫХ МАНЕКЕНОВ

— Ну что, заплатил? — шепотом спросил Миша, теребя своего нового друга за рукав.

Иван кивнул:

— Я же тебе говорил: все будет нормально!

Распрощавшись с Трофимычем и убедившись, что тот за ним не наблюдает, Иван шмыгнул за угол дома, где, как и было договорено, поджидал его Миша.

— А фигурку новую выдал?

Иван снова кивнул:

— Жук какой-то рогатый. И сказал еще, что у меня всего три дня, представляешь? И что принести этого жука я должен до захода солнца.

— Надо же! — удивился Миша. — Раньше никогда никаких сроков не ставил... Да еще и солнце припел! Совсем наш толстяк спятил. Но зато

хоть не тринадцать, а двенадцать человек набрать нужно. Тринадцатым же ты сам должен стать... Все-таки легче!

— Да, он мне напомнил... Только, знаешь, мне почему-то совсем от этого не легче, а скорее наоборот! Просто ужас, как неохота стать этим самым тринадцатым... Ладно, ты лучше скажи, у тебя-то как дела! Увидел что-нибудь?

— Все увидел! Ты не поверишь... — возбужденно зашептал Миша, и в этот миг оба услышали скрип открывающейся двери. Почему мальчики не убежали отсюда сразу, как только Иван вышел от толстяка?

Но что уж теперь-то рассуждать? Друзья замерли и буквально вжались спинами в холодную кирпичную стену. Потом послышался скрип шагов по снегу. Трофимыч куда-то направлялся. Выглянув по-шпионски из-за угла, Миша увидел, как, тяжело ступая и переваливаясь с боку на бок, похожий сейчас на гигантскую утку, толстяк шел по тропинке, ведущей от дома к воротам. И снова где-то внутри темным мохнатым комом тяжело шевельнулось дурное предчувствие. Сердце отозвалось гулким, лишним ударом.

— Ночной обход! — прошептал Миша и огляделся вокруг: нет ли где подходящего места, чтобы спрятаться в случае чего. На улице уже совсем стемнело. Но где-то в глубине двора, за домом, виднелась какая-то постройка. Черный прямоугольник четко выделялся на белом снегу. Скорее всего, это был сарай. Если Трофимычу вздумается обойти дом вокруг, то последствия их встречи представить себе невозможно! И тут Миша увидел буквально в двух шагах от того места, где они сейчас стояли, тропинку, которая и вела,

судя по всему, к сараю. Если прямо сейчас, не теряя ни секунды, побежать, то они успеют спрятаться за ним и переждать там, пока толстяк угомонится и ляжет спать. А потом, через какое-то время, можно будет спокойно (ведь ворота он закрывал на засов с этой стороны), ничем не рискуя, покинуть, наконец, это злое место.

— Бежим! — Миша дернул товарища за рукав куртки, а сам, чуть пригнувшись к земле и втянув голову в плечи, осторожно, но быстро побежал в сторону сарайчика.

Через каких-то несколько секунд, неожиданно для самих себя, они очутились в совершенно темном помещении. Дело в том, что дверь сарая оказалась незапертой. И поначалу Миша счел это обстоятельство за удачу: ведь тут, внутри сарая, спокойней и безопасней... Впрочем, очень скоро мальчик пожалел, что вообще дотронулся до холодной дверной скобы. Потому что здесь было так темно и жутко и такой дикий страх внезапно овладел им, что непреодолимо захотелось сию же секунду убежать куда-нибудь подальше. Но куда? Прямо в лапы свирепого толстяка? Ну уж нет, дудки! И тогда Миша на ощупь отыскал руку Ивана и крепко сжал ее в своей. Иван ответил ему коротким пожатием и шепотом спросил:

— Ну, расскажи, что увидел-то?

— Потом! — отозвался Миша. О том, чтобы начать сейчас рассказывать о зеркале и лицах, не могло быть и речи! И без того волосы от страха на голове шевелятся. И тогда из простого желания перейти на другую, нестрашную тему, Миша повел разговор о всяких пустяках.

Оказалось, что Иван учился в специальном му-

зыкальном интернате для особо одаренных детей. Интернат находился при консерватории, в самом центре города. И домой Иван приходил только на воскресенье и по праздникам. Миша же никакими выдающимися способностями не отличался и потому учился в самой обычной школе. Зато он уже год как посещал секцию каратэ. И поспешил сообщить об этом своему новому другу.

— Я тоже очень хотел чем-нибудь таким, типа каратэ, заняться, — шепотом отозвался Иван, — но мать из-за рук не разрешила.

— А что у тебя с руками? — удивился Миша.

— Да ничего, просто я это... на скрипке играю, и мама считает, что на каратэ мне могут пальцы повредить.

— А, это точно. Пальцы — запросто. Да и руку с непривычки можно вывихнуть! Тихо! — Миша припал щекой к деревянной двери сарая. — Слышишь, скрип?

Иван, обнаружив щель между кое-как прибитыми друг к другу досками, сразу увидел медленно ползущий вдоль стены дома, расширенный книзу луч света, а потом, приглядевшись, он различил и грузную фигуру сзади.

— Смотри, смотри! — зашептал Иван. — Вон он, с фонариком чешет!

Похоже, Трофимыч и правда совершал ночной обход своих владений. Не подвела все-таки Мишу интуиция!

Теперь оба мальчика, не отрываясь, наблюдали за действиями толстяка. Дойдя до конца стены, Трофимыч начал хаотично водить фонарем в разные стороны. Если бы не угрюмый характер толстяка, то вполне можно было подумать, что он забавляется: просто играет в темноте яр-

ким лучом. Кстати, фонарик был очень даже мощный. «Галогенка», — в ту же секунду определил Миша.

Толстяк же направил луч фонаря прямо на тропинку, ту самую, которая вела к сараю, и замер в нерешительности, размышляя, идти туда или нет. Иван почувствовал, как ноги и руки его задрожали от напряжения и страха. Так близко с опасностью он еще ни разу в жизни не сталкивался.

А гад-Трофимыч, еще с полминуты потоптавшись на месте, все-таки ступил на протоптанную в снегу дорожку, ведущую к месту их ненадежного, как выяснилось, укрытия... Нужно было что-то делать. Мысленно представив расстояние от дома до сарая, Миша решил, что у них с Иваном, даже учитывая черепаший темп толстяка, было минуты полторы — не больше. И тут мальчик неожиданно вспомнил, что у него тоже имеется фонарик! Не такой, конечно, как у Трофимыча, но все-таки... Порывшись в карманах пуховика, он достал связку ключей, и через секунду оба друга, хоть и с трудом, но все же могли различить окружающие предметы. Брелок, болтавшийся на колечке, представлял собой маленький, не больше спичечного коробка, фонарик. В слабом луче этого крошечного, почти игрушечного фонарика мальчики различали теперь очертания множества как бы застывших в самых разных позах человеческих фигур... Куда ни падал рассеянный желтый кружок света, всюду он натыкался то на руку, вскинутую вверх, то на туловище, то на согнутую в колене ногу. Но самым диким и жутким было то, что ни у одной из этих человеческих фигур не было головы... Конечно, это были манекены. Но кому они могли понадобиться? Да еще в

таком количестве? Ведь этими огромными куклами был буквально завален весь сарай; и почему они все как одна были безголовыми?

— Жуть какая! — прошептал обомлевший от страха Иван.

— Не бойся, Скрипач! Все будет хорошо! — подбодрил друга Миша.

Затем он решительным движением направил фонарь на дальнюю стену и, медленно спускаясь по ней лучом, разглядел продолговатый, остроконечный, напоминающий по форме лодку предмет. Приглядевшись, он понял, что у стены и в самом деле стояла самая настоящая деревянная лодка. Перевернутая пузатым днищем кверху. Он толкнул Ивана в бок: мол, смотри. Но это оказалось излишним: Иван и так во все глаза смотрел туда, куда падал слабый луч фонаря. План спасения возник в Мишиной голове в доли секунды. Он легонько подтолкнул Ивана под локоть и кивнул головой в сторону лодки.

Стараясь ступать осторожно, чтобы не надевать шуму, освещая дорогу слабым, дрожащим лучом света, мальчики пробирались к лодке. И тут, когда от спасительного укрытия их отделяли каких-нибудь два шага, раздался жуткий, как им показалось, грохот. Это Иван натолкнулся в темноте на одного из манекенов. А тот, падая, свалил, очевидно, еще какой-нибудь. Однако нужно было действовать, невзирая на досадную оплошность. Одной рукой осторожно ощупывая шершавую поверхность деревянного днища (фонарик Миша уже успел спрятать в карман), другой, свободной рукой, он крепко ухватился за рукав куртки Ивана.

— За мной, Скрипач! Сюда!

Теперь мальчики, прижавшись друг к другу,

находились в не ахти каком надежном, но все же в укрытии: внутри старой, разохшейся лодки. Они замерли, боясь пошевелиться: в любую секунду на пороге мог появиться их суровый враг. И тут случилось то, чего оба они боялись и в то же время ожидали с таким напряжением: резко и пронзительно закрипела входная дверь.

ТРИНАДЦАТЬЮ ТРИНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ РАЗ

От страха у Ивана потемнело в глазах. А у Миши, наоборот, как будто побелело. Раздался щелчок выключателя. Тусклый свет маломощной лампочки ровно залил все пространство сарая. Сквозь довольно-таки широкие щели разохшейся лодки они увидели могучую фигуру, замершую на пороге. Их сердца стучали в одном ритме, да так сильно, что каждый удар звоном отдавался в ушах. Или это только казалось мальчикам?

И тут они услышали — на этот раз действительно услышали — визгливый голос толстяка:

— Три дня вам осталось! Потерпите уж!

В первую секунду друзья вздрогнули, подумав, что Трофимыч обращается к ним: ведь больше-то в сарае никого не было! Новая горячая волна страха, нахлынув, перехватила дыхание и заставила их сердца биться еще быстрее и еще сильнее. Но нет, не к ним обращался толстопузый монстр — слишком уж игривыми казались интонации его писклявого голоса:

— Тринадцатую тринадцать, тринадцать раз! — Неожиданно голос толстяка зазвучал торжественно и пламенно. Конечно, настолько, насколько позволял его весьма специфический тембр.

— И вспыхнет яркое пламя! И исчезнет зыбкая граница, отделяющая человека от зверя! Вырвется наружу вся скрытая в недрах земли звериная сила и мощь! И во всей вселенной будем царствовать лишь мы, обращенные! Остальные же сгинут навсегда. — Трофимыч занес над головой руку. Указательный палец торчал, едва не упираясь в низкий дощатый потолок.

Потом он медленно опустил руку, усмехнулся нехорошим таким смешком, от которого у мальчиков мурашки по спине пробежали, и повторил твердо, как бы отменяя все сомнения:

— Тринадцатую тринадцать, тринадцать раз!

В следующее мгновение раздался щелчок выключателя, и сарай снова погрузился во мрак.

«Ура! Не засек! Не засек!» — радостно стучало сердце Ивана.

И тут они с ужасом услышали, как в замке с отвратительным скрежетом проворачивается ключ. Да, друзья оказались запертыми в компании безголовых манекенов.

— Ты слышал? — прошептал Иван, вылезая из-под лодки. — Он сказал: «осталось три дня»? И мне тоже три дня на последнюю фигурку отвел... Ой, не нравится мне эта ерундистика...

— Рассуждать потом будем, Скрипач! — резко перебил его Миша. — Скажи лучше, что нам теперь делать?

Но ответа на этот вопрос Иван не знал.

ИГОРЬ ЛАРИН

Погода стояла восхитительная. Просто сказочная. Особенно если учесть, что на дворе была уже середина октября. Вопреки обыкновению — школа находилась в двух троллейбусных оста-

новках от дома, — Миша решил пойти пешком. Впереди, шагах примерно в десяти, шел одиннадцатиклассник по имени Игорь Ларин. Конечно, Миша мог пойти дворами и почти вдвое сократить путь. Именно так он и собирался поступить, пока не увидел впереди Игоря. Теперь же Миша, словно загипнотизированный, шел за одиннадцатиклассником.

Игорь Ларин был самой приметной личностью во всей школе. Во-первых, на нем всегда были классные, фирменные шмотки, во-вторых, по непонятным причинам ему единственному во всей школе не возбранялось носить длинные волосы, которые он собирал сзади в хвостик, и, самое главное, Игорь Ларин являлся счастливым обладателем мотоцикла американской фирмы «Харлей-Дэвидсон». Второго такого мотоцикла не было ни у кого по всей округе. Этот роскошный, сверкающий, разрисованный тиграми и драконами черный мотоцикл каждый день дожидался своего хозяина на платной стоянке, неподалеку от школы. Об этом знали все. И сейчас Игорь, судя по всему, направлялся именно туда. А Миша, как на веревочке, забыв обо всем на свете, плелся за ним. Конечно, о таком мотоцикле Миша и не мечтал: он знал, что эта или подобная ей машина стоит несколько десятков тысяч, и не рублей, а долларов!

«Прокатиться бы на таком! Хотя бы разок!» — думал Миша.

Внезапно Игорь Ларин обернулся и сказал спокойным, тихим голосом, так, как если бы они с Мишей зачем-то просто договорились идти друг от друга на расстоянии:

— Ладно, хватит уже. Чего ты плетешься там сзади? Подруливай давай!

«Выходит, он знал, что я иду за ним! Почему же тогда раньше не оглянулся?» — пронеслось в голове опешившего от неожиданности Миши Фролова.

— Ну, ты чего там застыл, парень? — улыбнулся Игорь и зачем-то вдруг присвистнул. Знаете, характерным таким свистом, каким на прогулке хозяин подзывает к себе запропастившуюся куда-то собаку.

И тогда, забыв о собственном достоинстве, Миша, как собачонка, со всех ног кинулся к старшекласснику.

Игорь был выше, и первое, что он сделал, когда Миша поравнялся с ним, — покровительственно положил руку на плечо мальчика.

— А я знаю, почему ты за мной крадешься! — тихо, как заговорщик, сказал Игорь Ларин. У него вообще такая манера была: очень тихо говорить. Поэтому Мише приходилось все время напрягать слух, чтобы, не дай Бог, не пропустить ни одного пророненного старшим товарищем слова.

— Да я не крадусь, это случайно вышло... — начал было оправдываться он, но Игорь тихо перебил его:

— Да брось ты, я же все понимаю.

Что имел в виду Игорь, когда говорил, что все понимает, Миша не знал, однако уточнять не стал. Неловко было. Какое-то время они шли молча.

— Ты в каком учишься, в восьмом? — рассеянно спросил Игорь.

— В седьмом, — виновато произнес Миша и опустил голову. (Это сейчас он учился в восьмом классе. Но та встреча, с которой все и началось, произошла год с небольшим назад.)

— Это тебе сколько, значит?

— Тринадцать в июне исполнилось, а что?

— Да так, ничего... — ответил Игорь и надолго задумался о чем-то.

И потом, как будто забыв вовсе о Мише, до самой стоянки он не проронил ни слова. А Миша не решился заговорить первым. Так они и шли молча.

И вот, всего лишь в двух шагах от Миши стоит предмет его мечты — могучий красавец «Харлей-Дэвидсон». Он настолько великолепен в своем ослепительном сиянии мощи и строгости, что Миша боится до него дотронуться. Ему кажется, что если он прикоснется рукой к этому чуду, то мотоцикл тотчас исчезнет, растворится в воздухе...

— Хочешь такой? — Игорь обеими руками облокотился на руль мотоцикла, но Мише почему-то показалось, что его голос звучит откуда-то издалека. Миша молчал.

«Парень вроде бы не глупый, а такие вопросы задает!» — разочарованно подумал мальчик.

И тут Игорь, словно прочитав его мысли, поспешно произнес:

— Понимаю, глупый вопрос. Ну, извини. — И вдруг спросил, зачем-то подмигнув Мише: — Ручка есть?

Порывшись в рюкзаке, Миша достал ручку и протянул ее Игорю. Он подумал, что Игорь хочет оставить ему свой номер телефона. И вместе с ручкой вытащил из рюкзака еще и какую-то тетрадку.

Игорь открыл ее наугад и принялся что-то быстро писать.

— Только смотри, без опозданий, — строго сказал он, возвращая Мише тетрадь. И, встретив Мишин недоумевающий взгляд, пояснил: — Там все написано. Дома прочитаешь. И вот еще что: в школе делай вид, будто мы незнакомы. Ясно?

Миша кивнул. Почему-то он все стоял, хотя ситуация складывалась так, что нужно было прощаться и уходить. Игорь, по всей видимости, не собирался ничего больше ни объяснять, ни говорить. Однако и он тоже, казалось, не спешил никуда уезжать.

— Классная машина. Надежная, — задумчиво произнес Игорь и, как бы в подтверждение сказанного, погладил рукой, одетой в перчатку с отрезанными пальцами, блестящий руль своего «Харлюши». — В сущности, для тебя это вполне реально. Не сразу, конечно, но годков эдак через несколько — запросто.

И не дожидаясь, пока обескураженный Миша хоть что-нибудь скажет, Игорь привычным движением надел глухой шлем, вскочил на мотоцикл и лихо крутанул ручку газа. Мотор взревел, и через секунду сверкающий стальной конь унес своего великолепного седока неведомо куда, оставив по себе лишь запах бензина да сизое облако газа.

СБОР ПОД БАШНЕЙ

Почерк у Игоря оказался очень аккуратным, хотя и несколько мелковатым. И вот этим аккуратным — буква к буквке — мелким почерком, имеющим к тому же небольшой наклон в левую сторону, было написано следующее:

«13 октября. Ярославский вокзал. Станция Пушкино. Сбор под башней на привокзальной площади в 12 часов. Без опозданий. Информацию сохранить в строжайшей тайне. Листок немедленно сжечь».

Необыкновенное волнение ощутил Миша, прочитав эти несколько загадочных строчек. И, конечно, он ни секунды не сомневался, идти или нет.

Башню Миша увидел сразу, как только ступил на платформу. Это было каменное, устремленное ввысь сооружение, выкрашенное двумя цветами: блеклым светло-зеленым и белым.

Выйдя из подземного перехода на привокзальную площадь, он сразу же обнаружил несколько — пять или шесть — великолепных, разрисованных, выстроившихся один за другим, как бы по кругу, мотоциклов. Там же стоял и «Харлюша» Игоря Ларина. И он явно выделялся из всех других, скажем прямо, не самых дешевых на свете мотоциклов, своими размерами (корпус «Харлея-Дэвидсона» был самым длинным и массивным) и какой-то ощущаемой даже с такого расстояния мощью. На мотоциклах в расписных шлемах сидели гордые хозяева. А в центре образовавшегося круга толпилась группа подростков примерно Мишиного возраста. Их было человек сорок, а может быть, и пятьдесят. Уверенным шагом Миша пошел к собравшимся на площади. Вначале он, естественно, решил подойти к Иго-

рю. Больше-то он никого здесь не знал. Но Игорь Ларин, еще издали поймав Мишин приветливый взгляд своими голубыми холодными глазами, строго приказал: не приближайся! И тогда Мише ничего другого не оставалось, как остановиться и начать осматриваться по сторонам. Прежде всего Мише бросилось в глаза, что мальчишки, собравшиеся здесь (кстати, среди них не оказалось ни одной девочки), друг с другом не знакомы. Почти у всех болтались за спинами школьные рюкзаки. (Потому что была среда — учебный день.)

— Никуда не расходиться! Сейчас автобус приедет! — прозвучал за спиной у Миши очень неприятный писклявый, режущий ухо, голос.

Он обернулся и тотчас увидел обладателя столь немелодичного голоса. Им оказался лысый, огромного роста толстяк. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Как выяснилось чуть позже, человека этого звали Петром Трофимовичем. Он-то, судя по всему, и был тут главным. Впрочем, если говорить о «главном», то вскоре Миша увидел еще одного взрослого. Однако держался тот поодаль, особняком. Незнакомец был одет в строгий черный костюм, светлую сорочку и галстук. На голове у него сидела черная фетровая шляпа. И тут на пяточок подъехал громоздкий, явно устаревшей марки автобус. Двери его со скрежетом сложились в гармошку, и кто-то из старших ребят, мотоциклистов, скомандовал:

— Кто на собрание, в автобус!

Миша не знал, честно говоря, что он приехал сюда на какое-то собрание. И вообще, эту встречу под башней он представлял себе совсем по-другому... И, конечно же, его расстроило немое приказание Игоря Ларина не подходить...

Внутри автобус оказался вполне обычным, если не считать наглухо затянутых толстыми черными шторами окон. Такими шторами, сделанными из плотного кожзаменителя, обычно закрывают на ночь окна в поездах. Внизу они держатся на стальном прутике, а поднять их можно с помощью специального зажима с ушками.

— Окна не открывать! — приказал писклявый, срывающийся на визг голос. Толстяк устроился сразу за кабиной водителя и, обернувшись назад, зорко наблюдал за происходящим в салоне. Но в салоне ничего особенного не происходило. Никто не собирался нарушать порядок: мальчишки вели себя на редкость тихо и организованно.

И тут Миша вздрогнул от внезапного, раздавшегося, казалось, со всех сторон сразу, оглушительного рева мотора.

«Неужели у этой старинной колымаги может быть такой мощнейший мотор?» — подумал он, но тут же сообразил в чем тут дело: это мотоциклисты разом, как по команде, заставили взречь своих металлических коней.

И всю дорогу — а ехали они никак не меньше часа — их сопровождал неумолкающий рев моторов.

— Все, прибыли, — пропищал толстяк, обращаясь неизвестно к кому.

Мальчишки молча, словно соучастники какого-то тайного сговора, вереницей потянулись к выходу. Вот тут-то Миша и обратил внимание на худощавого парнишку, который беспомощно и как-то совсем по-детски растерянно озирался по сторонам, заглядывая в лица таких же, как он, ничего не понимающих и растерянных пацанов. Это и был Иван. Но тогда Миша не мог знать, что

через год они познакомятся при очень необычных обстоятельствах, а потом станут настоящими друзьями, и что суждено им вместе пройти через такие испытания, какие и во сне-то не каждому приснятся!

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ В ПУСТОМ АНГАРЕ

Ангар стоял у обочины дороги, за которой началось поле. Вдалеке, если приглядеться, можно было различить силуэты многоэтажных домов.

— Заходите! Только по одному. Двери узкие, не толпитесь тут! — послышалась писклявая команда толстяка.

Внутри ангара было холодно и пусто. Если не считать огромного блестящего ящика, стоявшего у стены, и письменного стола рядом. Единственный стул к тому моменту, когда Миша вошел в помещение, оказался занятым: на нем, закинув ногу на ногу, уселся господин в черной шляпе. Стены же ангара все, сверху донизу, были обклеены весьма необычными плакатами. На них в натуральную, казалось, величину были, очень, правда, схематично, изображены разные животные: быки, саблезубые тигры, антилопы, огромные птицы с длинными шеями и даже мамонт. Голова его (ввиду огромных размеров животного) находилась на потолке, и, оттого что стены имели полукруглую форму, туловище мамонта казалось вогнутым внутрь. Рисунки эти напомнили Мише наскальную живопись первобытных людей, знакомую ему по картинкам из учебника истории за пятый, кажется, класс. Тусклый, подрагивающий голубой свет исходил от длинных трубок ламп дневного освещения. Может

быть, оттого, что свет их был каким-то особенным, или просто мощности ламп не хватало для того, чтобы как следует осветить такое огромное помещение, но только лица всех ребят приобрели вдруг мертвенный, синеватый оттенок...

— А сейчас Евгений Генрихович расскажет вам о нашем сообществе. О его древней истории, о том, для чего мы существуем, чем занимаемся и, главное, о том, чем предстоит заняться каждому из вас. Пожалуйста, Евгений Генрихович! — пропищал толстяк и с подобострастным выражением на лице захлопал в ладоши. Но толстяка никто из присутствующих не поддержал. Все что угодно готов был услышать сейчас Миша: про орден каких-нибудь таинственных рыцарей или про борьбу сил света и тьмы, про загадочных пришельцев из космоса, которых во что бы то ни стало нужно победить. Однако речь, которую повел вдруг Евгений Генрихович, оказалась совсем не таинственной. В особенности ее первая часть. Добрая половина его выступления была посвящена отношениям человека и животных. Евгений Генрихович возмущался «преступной недалечностью» людей, самонадеянно полагающих, что человек выше и совершеннее животных. «Какое-то общество защиты животных от людей...» — недоумевал, скучая, Миша. При этом Евгений Генрихович так сложно и туманно выражал свои мысли, что Мише стоило больших усилий одолеть напавший вдруг на него приступ зевоты.

— Древние люди, — тут Евгений Генрихович указал рукой на плакаты, — они были в миллионы тысяч раз ближе нас к корням, к природе, а значит, и к истине! И заключается истина в том, что только животные, их сила, красота, естест-

венность достойны восхищения и поклонения! И мы, воспевая красоту и силу животных, возвращаемся к корням человечества. Ведь животные появились на Земле гораздо раньше людей. Стало быть, они, а не люди, являются истинными и полноправными хозяевами дома, название которому — планета Земля! И горе тому, кто не понимает таких простых вещей! Это уже потом, спустя века, человек понавыдумывал себе кучу богов и начал неистово молиться им, все дальше и дальше уходя от Истины! А мир животных никто не придумывал! Он был! Был всегда! — ораторствовал Евгений Генрихович, все глубже погружаясь в какие-то непонятные дебри.

И чем больше он говорил, тем меньше Миша понимал смысл его речей. И словно угадывая Мишины мысли, а скорее всего и мысли большинства собравшихся, Евгений Генрихович понизил вдруг голос и произнес вкрадчиво, как бы извиняясь:

— Наверное, многим то, о чем я рассказываю, покажется скучным, непонятным и сложным... Что ж, мы и не требуем от вас понимания. На данном этапе наших отношений достаточно будет доверия. Однако, как говорится, ближе к делу! Пусть каждый из вас в качестве своеобразной разминки, что ли, попробует выполнить наше задание. Оно несложное, но и не такое уж простое, каким может показаться... Это игра... Но она потребует от вас ловкости, сноровки, а также изрядной доли изобретательности. Это очень древняя игра. В нее играли наши далекие предки, уважавшие и чтившие мир животных. Они изучали звериные повадки, и изучили их настолько, что временами грань, отделяющая человека от зверя, стиралась! Они-то, эти древние

мудрецы, сохранили и донесли до нас правила игры, о которой вы скоро узнаете. И хотя это всего лишь игра, тот, кто с честью выполнит ее правила, пускай на один только шаг, но все же приблизится к истине, — гулко звучал на весь ангар какой-то слегка козлиный, как бы вибрирующий тенорок Евгения Генриховича.

— Однако мы отлично понимаем: тот из вас, кто возьмется за это дело, будет тратить свое время и силы... Да и вообще, каждый труд должен быть оплачен. Но это, как говорится, второй вопрос. И последнее: помните, что наше сообщество — это совершенно добровольное сообщество свободных и сильных существ. Здесь никто никого ни к чему не принуждает! А сейчас каждый из вас получит текст, в котором будут изложены правила игры, о которой я говорил. За сим позвольте мне откланяться. Петр Трофимович, продолжайте!

В ту же секунду рядом с ним, словно материализовавшись из воздуха, возникла мощная фигура толстяка. А сам Евгений Генрихович, кивнув кому-то, стремительно направился в сторону выхода. Тут же от стены отделилась долговязая фигура одного из мотоциклистов. Все обернулись: Евгений Генрихович и долговязый парень вышли из ангара. Через минуту Миша услышал звук взревевшего мотора.

НЕПОНЯТНАЯ КЛЯТВА

Петр Трофимович выкрикивал имена и фамилии, и всякий раз чей-то голос из толпы откликался коротким словом «я» или «здесь». Шла перекличка.

— Дроздов! — в очередной раз взвизгнул тол-

стяк и, дождавшись ответного «здесь», сказал после паузы: — Это первый блок. Ясно? Пока что все стойте на местах. Звонарев! — Переключка продолжилась.

«Надо же, как все солидно — блоки какие-то...» — думал Миша. Его очередь была еще не скоро.

Миша, поскольку его фамилия начиналась на букву «Ф», оказался в последнем, пятом блоке. Кроме него туда попали только два человека: мальчики по фамилии Шоркин и Яковлев. В остальных «блоках» было человек по пять, по шесть.

— Овчаренко!

— Здесь, Петр Трофимович! — глухим басом отозвался один из «мотоциклистов».

— Первый блок. Власов — второй. Рыбальченко — третий...

«Понятно, — сообразил Миша, — это старшие разбирают группы новичков. Вот бы к Игорю попасть!»

И тут, словно угадав его желание, Трофимыч, срывающимся голосом прокричал:

— Ларин!

— Я здесь, — не изменяя своей манере, едва слышно отозвался Игорь.

— У тебя — пятый блок, — объявил толстяк.

Спустя минуту Игорь вручил каждому из троих своих подопечных лист бумаги и сказал, что здесь изложены правила игры и что их нужно внимательно прочитать. Речь шла о каких-то тринадцати фигурках, до которых должны были дотронуться тринадцать человек. Дальше в тексте говорилось о том, что за каждую «отработанную» фигурку будет выплачено 169 рублей. На выполнение задания отводилось 13 месяцев, и

каждому справившемуся была обещана премия в размере 13 тысяч рублей.

Далее следовали предупреждения, что в случае подлога или потери фигурки человек автоматически выбывал из рядов членов сообщества как не справившийся с заданием. И в самом конце следовало примечание: последним дотронувшимся до 13-й фигурки должен стать сам игрок. Вот, собственно, и всё. Число. Подпись.

Когда со всеми формальностями было покончено, Трофимыч собрал у мотоциклистов договоры и, положив тоненькую стопку листков в нестораемый шкаф, три раза провернул ключ в замке. Потом старшие, поставив новичков полукругом, отошли к стене, а в центр образовавшегося полукруга вышел Игорь Ларин. В руках у него был внушительных размеров рулон.

— Сейчас, перед тем как получить первую фигурку, вы услышите текст Посвящения. С давних времен его произносит каждый новый член сообщества, — как всегда тихо сообщил Игорь и развернул рулон. — Здесь не прозвучит ни одного знакомого слова. Не удивляйтесь этому. Сообщество наше очень древнее. И язык, на котором писался текст, давно забыт. Это сплав нескольких, так называемых «мертвых», языков.

«Почему же именно Игорю поручили читать Посвящение? — недоумевал Миша. — Ведь к каждому слову надо прислушиваться!»

А может быть, в этом-то как раз и были определенный смысл и тонкий расчет, потому что, как только Игорь начал говорить, в ангаре тотчас же установилась гробовая тишина.

— От вас не требуется ничего особенного, — продолжал Игорь, — просто внимательно слу-

шайте и в паузах четко повторяйте за мной все, что я буду говорить. Кстати, кричать при этом вовсе не обязательно. Итак, слушайте и повторяйте: Нерт варма хворт зивога, — проговорил Игорь и сделал паузу. Но все почему-то молчали, находясь в каком-то непонятном оцепенении. Тогда Игорь вновь произнес эту абракадабру, стараясь как можно четче выговаривать непонятные и непривычные для произношения слова:

— Нерт варма хворт зивога...

— Нерт варма хворт зивога, — отозвался пока еще совсем робкий хор мальчишеских голосов. Игорь же одобрительно кивнул и продолжил нараспев:

— Мерто кераго...

— Мерто кераго, — уже увереннее вторили ему голоса.

— Хав лата хио менецы вактарана. — Эти слова Игорю пришлось повторить, потому что с первого раза произнести их оказалось очень трудно. А дальше все уже пошло как по маслу. Игорь читал вслух непонятные слова, а мальчишки их повторяли. Посвящение оказалось довольно-таки длинным. И в какой-то момент, то ли от монотонно и завораживающие звучащих голосов, то ли от чего еще, у Миши вдруг закружилась голова. Его невидящий взгляд уперся в сыгую и лоснящуюся физиономию Трофимыча, оказавшуюся как раз напротив. И тут Мише показалось, что пространство вдруг задрожало и лицо толстяка прямо на глазах начало вытягиваться и покрываться шерстью, а над верхней губой появились два мощных желтых клыка. На месте же носа теперь блестел огромный и влажный кабаньей пятка. Миша тряхнул головой, протер глаза, и страшное видение тотчас исчезло...

— Нерт варма хворт зивога, — звучал убаюкивающий голос Игоря.

Тут нужно сказать, что Мишина память обладала одной странной и крайне редко встречающейся особенностью: он с фотографической точностью запоминал какие-то бессмысленные и совершенно ничего не значащие созвучия. Например, прочитав какую-нибудь фразу справа налево, он мог тут же ее повторить. И более того, запоминал потом чуть ли на всю жизнь. Пользуясь своей необыкновенной механической памятью, Миша часто выигрывал всякие споры и вообще был не прочь щегольнуть этими необычными, но какими-то, согласитесь, бесполезными в обычной жизни способностями при каждом удобном случае. Поэтому сейчас он мог с уверенностью в сто процентов сказать, что этот тарабарский текст — «Нерт варма хворт зивога» и так далее, вплоть до слова «вактарана», — звучит в Посвящении уже пятый раз. Таким вот необычным свойством отличалась Мишина память.

Сейчас ему было ужасно скучно и тоскливо. Украдкой он зевнул и снова посмотрел на Игоря. И тут Мише почудилось вдруг, что у старшего товарища вместо человеческой появилась на плечах голова какой-то хищной птицы с загнутым вниз клювом. При этом клюв то и дело открывался и закрывался, открывался и закрывался, и оттуда вылетали произносимые голосом Игоря Ларина непонятные слова. Как и в первый раз, когда он увидел Трофимыча с головой вепря, Миша закрыл глаза и как следует потер их кулаками.

«Конечно, от усталости чего только не привидится!» — с облегчением вздохнул Миша, когда видение бесследно исчезло. — Целый день не ел

ничего, вот и мерещатся орлы да кабаны дикие!.. Быстрее бы уже домой!»

— Нерт варма хворт зивога, — снова донесся до него убаюкивающий голос Игоря.

«Это уже тринадцатый раз», — автоматически отметил про себя Миша. А голос Игоря между тем, набирая силу и торжественность, продолжал:

— Мерто кераго хав лата хио менецы вактарана!

— ...хио менецы вактарана, — повторил хор механических, тусклых голосов. И по затянувшейся паузе и выражению лица Игоря Миша понял, что чтение Посвящения наконец-то окончено. Потом Игорь сказал (и простые, понятные слова в первые мгновения показались Мише непривычными и странными), что хотя он и понимает прекрасно, что никто из присутствующих не запомнил текста Посвящения, он все же обязан предупредить, что слова эти необычные и наделены очень мощной силой и что произносить их где бы то ни было строго запрещено, поскольку последствия могут быть самыми непредсказуемыми! Но тогда Миша не придал услышанному никакого значения. Он просто пропустил это грозное предупреждение мимо ушей и сердца...

ПЕРВАЯ ФИГУРКА

Между тем Трофимыч приказал всем мальчикам выстроиться в одну линию. Миша оказался примерно посередине. И тут он почувствовал жутко неприятный, резкий запах. Заглянув вперед, он увидел, как мальчишка, который стоял первым, протянул руку ладонью вверх, а Трофимыч, орудуя неким диковинным приспособлени-

ем на длинной тонкой ручке, совершал над его ладонью какие-то странные действия. Затем, что-то «прохрюкав», толстяк вручил мальчику небольшой серый мешочек. Сейчас вдруг этот запах показался Мише знакомым. Не случайно же ассоциации обоняния считаются самыми стойкими. Ну, конечно! Именно так — дегтем вперемешку с нашатырем — нестерпимо воняло по всей квартире, когда мама лечила ранку на лапе их собаки Весты. Столь неприятный запах Мишина мама, будучи по профессии химиком, объясняла тем, что в состав мази, помимо дегтя, входила вытяжка из внутренних органов животных.

А тем временем медленно, но верно подходила Мишина очередь. Теперь Миша видел, что в одной руке толстяк держит металлическую, напоминающую кубок емкость. Крошечным же полукруглым черпачком, прикрепленным к концу тонкой длинной спицы, он зачерпывал источающую этот самый омерзительный едкий запах жидкость и «капал» этой гадостью на раскрытую ладонь очередного мальчика. Холодная темно-коричневая капля упала в центр Мишиной ладони. А потом туда же опустился маленький холщовый мешочек.

— Первая фигурка, — оповестил толстяк своим скрипучим тонким голосом, — Обращаться аккуратно! Доставать только за шнурок! Голыми руками не трогать! Не бросать! Не терять!

Уже после Игорь подробно объяснил Мише, как следует обращаться с фигурками, и дал адрес, по которому надлежало отвозить «отработанных» зверюшек.

— Только ты не думай, что 13 месяцев — такой уж большой срок! И оглянуться не успеешь,

как они пролетят... — Это были последние слова, услышанные Мишей от Игоря Ларина. Больше они не встречались. Потому что тот куда-то исчез... По школе упорно ходили слухи, что якобы Игорь навсегда уехал за границу.

ТАНЕЦ БЕЗГОЛОВЫХ МАНЕКЕНОВ

С тех пор прошел год. Даже чуть больше. И сейчас, сидя в темном и холодном сарае вместе со своим новым другом, Мише с необыкновенной ясностью вдруг припомнились мрачные события того злополучного вечера. Он снял перчатку с левой руки, приблизил к лицу ладонь. И ему показалось вдруг, что из центра ладони исходит тот самый омерзительный запах дегтя вперемешку с нашатырем...

— Ты чего это делаешь? — шепотом спросил Иван. Теперь, когда их глаза окончательно привыкли к темноте, ребята могли различать друг друга и все окружающие предметы.

— Да так. Вспомнил кое-что...

— Ну, скажи, что? — не унимался Скрипач. Ему хотелось говорить. Все равно о чем. Просто когда он сам что-то говорил или слышал голос друга, страх куда-то отступал и безвыходность ситуации, в которой они теперь оказались, тревожила его чуть меньше.

— Да вспомнил собрание, когда толстяк ту гадость вонючую нам на руку капал.

— А знаешь, мне тоже сейчас показалось, что этой штуковинной мерзкой потянуло откуда-то... Честное слово... — Иван прижался плечом к Мише.

— Да брось ты ерунду говорить! — отмахнулся Миша. А про себя подумал с неожиданным

злорадством: «А Скрипач-то не на шутку струхнул!» И тут, будто кто-то легонько подтолкнул Мишу под локоть, он наклонился к самому уху Ивана и прошептал слова, которые с необыкновенной ясностью возникли вдруг в памяти: — А помнишь, Вань: нерт варма хворт зивога мерто кераго хав лата хио менецы вактарана?

Вдруг что-то екнуло у Ивана внутри, прямо в том месте, которое называется «солнечным сплетением», и он спросил еле слышным шепотом:

— Ты чего, Миш? Это по-каковски?

Но ответить Миша не успел, потому что воздух вдруг сгустился, задрожал, и, вспыхнув миллиардом маленьких искр, все пространство сарая озарилось на миг холодным синеватым светом. Потом все померкло, и после секундной и какой-то необыкновенной тишины со всех сторон сразу послышался негромкий, но явственно различимый скрип. Так — протяжно и жалобно — скрипят никогда не знавшие масла ржавые дверные петли... Затем пробивающийся словно из-под земли, слабый дрожащий свет сделал ясно различимыми все окружающие предметы. И теперь сомнений не оставалось: скрипели манекены. Все они, как по команде, начали вдруг медленно и как-то неуклюже шевелиться. Сидящие силились встать на ноги, а те, что стояли, медленно разводили руки в разные стороны и шевелили длинными пальцами. Все это походило на зарядку инвалидов, борющихся с заостеневшими за долгие годы, проведенные без движения, суставами. Оцепенев от ужаса, Иван и Миша во все глаза глядели на оживающие манекены, не в силах произнести ни звука. А они, эти огромные безголовые куклы, казалось, вполне освоившись

в холодном и темном сарае, двигались теперь уже гораздо уверенней, постепенно образуя вокруг Ивана и Миши кольцо. И с каждым мгновением кольцо это становилось все плотнее и плотнее. Трудно точно сказать, сколько их тут было, этих безголовых манекенов: десяток или больше. Тряпье, кое-как прикрывавшее их твердые тела, развевалось, колышимое невидимым ветром. Руками же манекены выделяли какие-то причудливые плавные движения, подобно танцовщицам-индианкам, в каждом жесте которых заключен особый смысл. Они перебирали длинными пальцами, складывая их в какие-то сложные знаки, сводили вместе и разводили в разные стороны ладони. Движения их рук были плавными, замысловатыми и завораживающими. Каждая кукла словно вела отдельную, ведомую лишь ей, партию. И в то же время, сливаясь, их движения рождали общий четко проработанный, не допускающий, казалось, ничего лишнего и случайного танец... При этом манекены медленно и неумолимо приближались к мальчикам, окружая их со всех сторон.

«Эх, сейчас бы палку какую-нибудь!» — с тоской подумал Миша. Что-то внутри подсказывало ему, что дотрагиваться до манекенов руками не стоит. А может быть, это было обыкновенное чувство брезгливости. «Стоп! Лодка! Значит, значит...» Пока еще не ясная догадка заставила его посмотреть вниз. И там, на земляном полу, возле своей правой ноги он увидел то, что искал. Правда, весло оказалось сломанным. Однако это обстоятельство нимало не смутило мальчика. Он стремительно присел, проворно схватил обломок весла и, вскочив на ноги, с силой толкнул одного из

манекенов расширенным плоским концом в самую середину его впалой грудной клетки. Результат превзошел все ожидания: в ту же секунду безголовое чудище как подкошенное рухнуло на пол. Наделенный от природы отличной реакцией, Миша сумел меньше чем за минуту «уложить» по крайней мере десятков манекенов. Однако трое все еще оставались на ногах. Но и они на какой-то миг замерли, словно в стоп-кадре. Воспользовавшись этим, Миша сделал шаг назад. Теперь он был почти у самой стены. Иван оставался на прежнем месте. Казалось, он тоже не в силах был пошевелиться. Мишины руки, действуя инстинктивно и как бы отдельно от хозяина, быстро шарили по бревнам. И тут он почувствовал под ладонью вначале что-то мягкое, похожее на ткань, а потом холодное и гладкое. «Окно! — молотком в виски ударила догадка. — Ну точно, окно, а это занавеска!» Теперь мальчик судорожно ощупывал оконную раму в поисках шпингалета. «Выдавлю стекло! Или разобью!» В этот миг пальцы его нащупали щеколду. Он оглянулся. Манекены, их по-прежнему было трое, вновь обрели способность двигаться. И теперь их отделяли от Ивана каких-нибудь полшага! Руки манекенов извивались так, будто сделаны были не из папье-маше или там из пластика какого-нибудь, а из веревок. Обычные человеческие руки, какими бы гибкими они ни были, не смогли бы проделать и сотой доли тех причудливых узоров, какие с такой легкостью выписывали в воздухе руки оживших кукол. Постепенно скрип затих. А на смену ему пришел ровный, звучащий на одной низкой ноте гул. Ни секунды больше не раздумывая, Миша изо всей силы дернул Ивана за руку. Тот всем своим весом на-

валился на него. Казалось, что от страха Скрипач полностью утратил контроль над своим телом. Однако это не помешало Мише резко рвануть вниз щеколду. И она, как ни странно, поддавалась с первого раза! Между тем три манекена, развернув свои безголовые тела, двигались теперь в сторону окна. Их неподвижные, торчащие в ряд шеи были похожи на пни, оставшиеся от стволов тонких молодых деревьев. Правым плечом Миша с силой толкнул деревянную раму. Скрипнув, она раскрылась, и в следующее мгновение, крикнув: «За мной, Скрипач!», — он уже стоял обеими ногами на снегу. Выпрыгивая из окна, Миша одной рукой держал Ивана за шиворот, а второй — крепко вцепился в его руку, чуть выше локтя. Поэтому Иван, совершенно парализованный страхом, лишь по-

чувствовал, как что-то с силой дернуло его сначала за руку, а потом волоком потащило неведомо куда и бросило на холодный снег. И неизвестно еще, чем бы все это закончилось, окажись окно прорубленным хоть чуть-чуть выше!

— Это ты? — сидя на снегу и глядя на Мишу своими огромными серыми глазами, прохрипел Иван. От страха в горле у него пересохло, и теперь он судорожно, громко и безостановочно делал глотательные движения, при этом успевая хватать холодный воздух ртом. — А где же эти... безголовые? — Иван, часто моргая, медленно поворачивал голову из стороны в сторону. Сейчас он со своей тонкой шеей и удивленным, не слишком-то, скажем прямо, осмысленным взглядом был похож на цыпленка, только что вылупившегося из яйца. Миша, оставив вопрос Скрипача без ответа, сам не зная зачем заглянул в раскрытое настежь окно сарая.

Взгляд его упал вниз. Мерцающий голубоватый свет все еще пробивался откуда-то из-под земляного пола. И в этих холодных, неверных лучах он увидел лишь одиноко валяющийся обломок весла. Ни одного манекена на полу не было! Но как за такое короткое время они успели подняться? Это казалось невозможным. Все еще не веря своим глазам, Миша поднял взгляд. Безголовые манекены, занимая все пространство сарая, замерли в тех самых позах, в которых, как помнилось мальчику, они находились до того, как неведомая сила их «оживила»: некоторые стояли с поднятыми вверх руками, другие, подбоченившись, прислонились к стене, какие-то заняли свои места на стульях... И тогда мальчик медленно опустился на снег.

СТРАННАЯ СИМФОНИЯ

Некоторое время они сидели молча, пребывая в каком-то странном оцепенении. Из этого состояния друзей внезапно вывел... детский плач. Доносился он явно со стороны дома Трофимыча. И был это не плач даже, а скорее верещание какое-то: «Уау! Уау!» Так кричат совсем еще маленькие, грудные дети. Но откуда там, в этом логове, мог взяться младенец?

— Так эта сволочь жирная еще и детей маленьких мучает! — выкрикнул Миша и, как ужаленный вскочив на ноги, стремительно рванул по тропинке, ведущей к дому. — Замри, Скрипач! — строго приказал он, залезая на свой уже проверенный в деле наблюдательный пункт. То, что мальчик увидел в комнате, настолько поразило его воображение, что в первую секунду он чуть не свалился с ведра. Трофимыч спокойно сидел в кресле с закрытыми глазами, запрокинув голову на спинку. И если бы не его огромные руки, которые вдохновенно парили в воздухе, как бы дирижируя младенческими всхлипами, то можно было подумать, что толстяк спит. Самого же малыша в комнате не было. В то время как плач его звучал все громче и громче. Тут Миша ясно услышал, что к рыданиям младенца примешиваются завывания ветра и еще какие-то похожие на рычание диких зверей звуки... И вдруг вся эта «музыка» внезапно оборвалась. Причем на самой пронзительной и отчаянной ноте. Сейчас же гигантские ладони толстяка, как две подстреленные птицы, безвольно упали на колени. Через секунду человек-гора открыл глаза и, опираясь руками на подлокотники кресла,

медленно, как бы пересиливая себя, поднялся. С видимым усилием переставляя тяжелые ноги, будто бы к каждой было привязано по две стопудовых гири, он направился в сторону тумбочки, на которой стоял, мигая разноцветными лампочками и цифрами, музыкальный центр. В следующее мгновение Трофимыч нажал на какую-то кнопку и извлек из недр центра кассету, затем, перевернув ее и засунув обратно, он еще раз на что-то нажал. И в тот же миг тишина взорвалась пронзительным... карканьем целой стаи ворон. Детский плач звучал теперь как бы на втором плане, приглушенным фоном, уступив место уже упомянутому карканью, лаю, рычанию, вою и даже лягушачьему кваканью... Все эти звуки, переплетаясь, составляли странную, ни на что не похожую «симфонию».

— Прям, «В мире животных»! — Миша спрыгнул на снег. — Бред какой-то!

— Ну, а ребенок-то как? Что он с ним делает? — Иван нетерпеливо теребил Мишу за рукав куртки.

— Нет там никакого ребенка. Успокойся. Это кассета, ясно? С одной стороны плач, а с другой — «звериный концерт». А толстяк врубил ее на всю, сидит, руками машет и балдеет, представляешь?.. Ну, правильно, иначе же он не услышит ни фиги! — Миша вспомнил, что Трофимыч был крепко туговат на ухо.

КРИБЛЕ! КРАБЛЕ! БУМС!

С неба густо валили крупные мохнатые снежинки.

Мальчики быстро шагали по поселковой дороге мимо трех- и двухэтажных коттеджей, обне-

сенных высоченными каменными заборами, и простых деревянных домиков, из окошек которых лился приветливый желтоватый свет. И тут Миша вспомнил: он же не рассказал еще Ивану самого главного! А Иван вдруг, будто угадав мысли своего друга, сказал:

— Слушай, ты же мне так и не рассказал, как толстяк «поддельную» фигурку от настоящей отличил?

— Скажи, Вань, а среди людей, которые до этой лягушки дотрагивались, не было ли случайно тетеньки такой, в рыжей меховой шапке?

Иван сейчас же вспомнил «тетеньку в рыжей шапке». Это была его соседка. Он подкараулил ее в подъезде и по давно отработанной схеме подбросил фигурку. Ни о чем не подозревающая соседка подняла лягушку с лестницы, и не успела она ее как следует разглядеть, а Иван уже тут как тут: «Ой, спасибо вам, тетя Ира! Как хорошо, что вы нашли мою лягушечку!»

— Что и требовалось доказать! — воскликнул Миша, выслушав рассказ друга. Его догадка оказалась верной.

— Потрясающе! — не переставал изумляться Иван. Голос его дрожал. — Значит, все тринадцать лиц каждый раз отражаются в этом зеркале! Просто фантастика! А если фигурка «бракованная», то в зеркале, кроме вспышек да молний, ничего не отражается?

— Именно так, — подтвердил Миша.

— Ужас! Выходит, толстяк и вправду — колдун?

— Да ну, какой там колдун! Ерунда! — отмахнулся Миша.

— А манекены извивающиеся, что, тоже ерунда? Нет, Мишенька! Они двигались! И про-

изошло это после тех слов непонятных, которые ты мне на ухо прошептал!

Мише и самому тогда показалось, что это они, произнесенные им в сарае слова из Посвящения, каким-то непостижимым образом вдохнули жизнь в обезглавленные манекены. Только он боялся себе в этом признаться. А вернее, он не хотел, просто отказывался верить в то, что сочетание каких-то странных звуков может иметь силу. Да еще такую!

— А откуда ты их выкопал? — Иван заглядывал Мише прямо в глаза.

— Посвящение на тарабарском языке помнишь? В ангаре, на общем собрании?

— Ну, — подтвердил Иван.

— Так вот эти слова оттуда. Вопросы есть?

— Есть, — В голосе Ивана звучало теперь недоверие. — Как же ты мог их запомнить? — прищурившись, спросил он.

— А память у меня такая! — разозлился Миша. — Чего-нибудь полезное запомнить — это дудки, а вот чушь всякую — всегда пожалуйста! Хочешь, повторю? Заодно и проверим!

— Нет! Не надо! — испуганно выкрикнул Иван.

— Да, брось ты, Скрипач! Мы же с тобой цивилизованные люди! Итак, я начинаю!

— Нет! Я точно знаю, я читал в книжке про черную магию, что существуют такие слова, которые будят всякие сверхъестественные силы! Понимаешь, они, эти силы непонятные, всегда существовали и существуют. Только нормальных людей они как бы и не касаются, если те сами их не затронут. Ну, это все равно, что миры параллельные. Слышал про такие?

Миша неопределенно пожал плечами и сме-рил друга презрительным взглядом.

— А миры эти параллельные, — продолжал тараторить Иван, — существуют! Только пока ты окно в этот мир не отыщешь, он на нашу жизнь никак не влияет. А если случайно или, как некоторые делают, умышленно ты приот-кроешь дверцу в него, вот тут и начинаются кошмары! Тогда уж берегись и не жди пощады! Вот так и со словами этими. Некоторые слова действуют по принципу ключа, понимаешь?

— Какого еще ключа? — Миша недоверчиво покосился на Ивана.

— Такого! От двери, за которой до поры до вре-мени сидит вся эта чертовщина! Ты пойми, что некоторые звуки, вернее, их сочетания, вызывают в атмосфере определенные колебания, кото-рые тревожат и будят всякую нечисть! Как му-зыка. Только музыка наоборот... Это даже на-укой доказано! Ведь помнишь, парень, который читал это Посвящение? Он же предупреждал, что ни в коем случае нельзя слов этих произно-сить! И угораздило же тебя запомнить их! И что последствия могут быть ужасными, он тоже тог-да говорил! Помнишь? Помнишь ты или нет? — кричал Иван, теребя Мишу за рукав пуховика.

— А вот мы сейчас и проверим, какими будут последствия, ужасными или не очень! — произ-нес после паузы Миша и дерзко взглянул Ивану в глаза. Дразнящий взгляд его как будто гово-рил: «Что, испугался? В штаны, небось, уже наделал? Одно слово — Скрипач!» — Сейчас вы станете свидетелями смертельно опасного экс-перимента! Прямо на ваших глазах два про-стых русских школьника попытаются при по-

мощи магического заклинания проникнуть в параллельный мир! — нараспев, все больше и больше входя в свою злую роль, которую он сам же себе и придумал, выкрикивал Миша, стоя на углу поселковой улицы, освещенной неверным светом фонаря. — Крибле! Крабле! Бумс! — С этими словами он ненатурально ударил себя по лбу и тотчас соорудил гримасу нестерпимой боли. — Какой кошмар! Неужели я забыл магическое заклинание?! — продолжал паясничать Миша. А после изменился в лице и вымолвил дрогнувшим вдруг голосом: — Нерт варма хворт зивога мерто кераго хав лата хио менецы вактарана!

СВОРА ДЬЯВОЛЬСКИХ ПСОВ

И в наступившей после этого какой-то необыкновенной тишине оба мальчика невольно замерли в ожидании. А вместе с ними замерли и дома, и деревья, и заснеженная дорога; все, что их окружало, словно застыло, оказавшись во власти всеобъемлющего оцепенения. Но прошла первая напряженная, звенящая в тишине секунда, за ней другая и еще несколько, а ничего необычайного и страшного не происходило.

— Ну что, Скрипач, где же твои вурдалаки с вампирами? Эй, где вы там? Ау!

Иван даже не взглянул в его сторону, он опустил голову и резко повернул за угол. Это был последний поворот. Дальше метров триста дорога шла по прямой и вела прямо к платформе. И тут, не успели друзья свернуть за угол, как что-то страшное, какой-то шевелящийся, дико визжащий и скулящий, огромных размеров лохматый

шар выкатился им прямо под ноги. Ни Миша, ни тем более Иван в первые мгновения не могли разглядеть и узнать в этом шерстяном катающемся по снегу коме нескольких сцепившихся в жестокой схватке псов. Тем временем непонятно откуда, как будто материализуясь из воздуха, со всех сторон их начали обступать совершенно одичавшие и, по всей видимости, жутко голодные псы. Они угрожающе лаяли, щерили свои желтые клыки и свирепо рычали. И тут, прямо на глазах, лохматый вертящийся волчком ком распался на четырех лохматых тварей.

И сейчас же горящие зеленым светом глазища злобных зверюг выжидающе уставились прямо на мальчиков. «Волки!» — в первую секунду подумал Миша, но тут же в спутанных страхом мыслях пронеслось: «Нет, волки не лают. Они, кажется, воют...» В какие-то считанные мгновения целая свора этих жутких, оцетинившихся, злобных тварей, готовая в любую секунду броситься и разорвать мальчиков в клочья, окружила их со всех сторон. Псы лаяли, неистово визжали, хрипели и рычали. И сейчас стоило одной только псине рвануться вперед и ухватить зубами Ивана или Мишу, как остальные тут же бросились бы на них, и тогда... Страшно подумать, что было бы тогда. От безумного лая и визга звенело в ушах. Все это было похоже на кошмарный сон. А голодные зверюги хрипели в нетерпении и рыли лапами снег. Ярость пенилась в их острозубых и клыкастых пастьях, и они, свирепо дергая и тряся мордами, брызгали ошметками этой пены во все стороны. С отвращением Миша почувствовал, как, подобно плевку, кусок омерзительной горячей пены шлепнулся ему на подбородок.

Но о том, чтобы вытереть, его не могло быть и речи: какой-то внутренний голос, звучащий из самых скрытых глубин души, подсказывал, что шевелиться нельзя. Что любое, даже самое незаметное движение может оказаться последним, потому что эти хищные, жаждущие крови твари подступили уже почти вплотную к ним. И за какие-то считанные мгновения свора оголтелых диких псов, казалось, выросла в несколько раз. Они были разными по величине, окраске и длине шерсти, совпадая лишь в одном: в своей безумной, слепой ярости и отчаянной готовности разодрать на мелкие клочки Ивана и Мишу. И вид этих пятидесяти, а может, и целой сотни оскаленных, разъяренных, визжащих, рычащих, лающих, хрипящих и пенящихся звериных пастей не оставлял ни малейшей надежды на спасение.

— По-мо-гите! — тонким, совершенно не своим голосом, перекрикивая лай и визг, что было сил заверещал Иван.

— На помощь! Спасите! Помогите! Кто-нибудь! — сам от себя не ожидая и не узнавая своего собственного, искаженного ужасом голоса, истошно заорал Миша еще громче и пронзительнее Ивана.

И тут откуда-то сзади раздался... оглушительный выстрел. И сразу же еще один...

Человека, спасшего жизни Ивана и Миши, звали Ильей Петровичем Ульяновым, и жил он в угловом доме, огороженном зеленым забором. Илья Петрович, как только услышал ни на что не похожие звуки, схватил со стены воздушное ружье, которое не является редкостью для деревенских жителей. Его собственная кавказская овчарка по кличке Марта залезла в будку и,

спрятавшись там с головой, дико скулила. Поведение всегда боевой и совсем не трусливой Марты тоже весьма озадачило хозяина. А тут еще эти крики о помощи... Да и голоса какие-то уж больно не взрослые... Не рассуждая более, Илья Петрович выбежал во двор и выстрелил в воздух два раза. И когда услышал, что лай и визг стихли, он, прежде чем выйти за калитку, выстрелил еще один раз. На всякий случай.

Потупив морды, псы медленно, словно нехотя, пятились. Все разом, как по команде, они прекратили лаять, но все еще продолжали утробно рычать и скалить зубы. В глазах горела не реализованная, затаенная и от этого только усилившаяся злоба. Пятясь и рыча, мохнатые дикие твари вовсе не спешили уносить ноги. Псы

отступали, но при этом как бы ожидали дальнейшего развития событий. Третий выстрел был решающим. Точно так же, как и появилась, за какие-то считанные мгновения вся свора буквально растаяла в воздухе, оставив по себе лишь едва заметное дрожание сгустившегося пространства... Да еще искорки разноцветные. Впрочем, искриться могли и снежинки. Однако самым поразительным и уж совершенно необъяснимым было то, что нигде на снегу не оказалось следов собачьих лап! А ведь злобные псы так отчаянно работали лапами, что снег в разные стороны разлетался. По идее, на этом месте должна быть голая земля... Или даже целый ров. А тут — снег нетронутый и ни единого собачьего следа...

ПОЖАЛУЙСТА, ВОЗЬМИ ТРУБКУ!

— Я-то тут уж сколько? — Гостеприимный хозяин призадумался, почесал затылок и, словно припоминая что-то, проговорил: — Пятьдесят четыре года почитай как живу... А если б своими ушами лая и визга этих зверюг не слышал — ни за что не поверил бы! Однако следы... Следы-то куда подевались? Что ж они, в воздухе, что ли, висели, собаки ваши? Все ж таки удивительная история! Мистика, да и только!

Илья Петрович отпаивал мальчиков горячим чаем с лимоном.

А Миша все это время тайком косился на телефонный аппарат, стоявший тут же, на тумбочке, накрытой кружевной, «чисто деревенской», как подумалось ему, салфеткой. За то время пока они с Иваном пили чай и приходили в себя от пережитого потрясения, в голове у него родился спасительный, как ему самому казалось, план.

Согласитесь, настоящий друг — это редкость. По большому счету друг. По самому крупному. Друг, который поймет и поддержит тебя в любой беде. И никогда не предаст. Мише повезло: у него такой человек был. Самый близкий, самый надежный на свете человек, которому он мог бы доверить все, даже самую страшную тайну. И таким другом был для Миши его родной дядя. Старший брат Мишиного отца. Звали его Андреем. Андрей жил со своей семьей в подмосковном городе Пушкино. А сейчас Миша с Иваном находились в каких-нибудь пяти-шести километрах от него.

Но ведь Андрей мог оказаться и на работе, в Москве. По профессии Мишин дядя был психологом. И работал он не где-нибудь, а на «горячей» линии подросткового телефона доверия. Служба эта действовала круглосуточно и называлась «Сила слова». По этому телефону звонили школьники, когда в их жизни возникали тяжелые, а подчас и не разрешимые, как им казалось, проблемы. Ребята делились с Мишиным дядей своими бедами, и Андрей помогал им найти выход. А ситуации порой возникали совсем не шуточные.

Несомненно, Андрей обладал великим и редким даром — он умел убеждать людей. Конечно, в «Силе слова» работали и другие психологи. Ведь ни выходных, ни даже перерывов на телефоне доверия не бывает! Своих детей у Андрея с Леной (так звали Мишину тетю) не было. Может быть, еще и поэтому они относились к Мише как к собственному сыну. И вот сейчас Миша собирался позвонить своему дяде Андрею. Вначале на работу. Что-то подсказывало ему: Андрей должен быть на дежурстве.

— А можно я дяде позвоню? — спросил Миша.

— Можно, отчего же нельзя? — миролюбиво ответил Илья Петрович и перенес телефонный аппарат на стол.

«Возьми трубку, пожалуйста!» — твердил про себя Миша, набирая номер.

Сейчас Мише казалось, что если есть на свете человек, который может помочь им с Иваном, то этот человек — Андрей.

В трубке прозвучал всего лишь один длинный гудок. Потом что-то щелкнуло, и Миша услышал знакомые мягкие интонации родного голоса:

— «Сила слова». Телефон доверия. Вас слушает психолог Фролов.

— Андрей... Это я... Миша...

По особым, взволнованным ноткам Мишиного голоса Андрей сейчас же определил, что племянник звонит не просто так, чтобы узнать, как дела. Поэтому, решив не задавать лишних вопросов, он спросил коротко и по-деловому:

— Михаил? Ты где? У меня дежурство оканчивается через пятнадцать минут. Если нужно, могу подъехать.

— Это было бы очень здорово, Андрей! Только я за городом...

— Диктуй адрес.

Миша, зажав для чего-то трубку рукой, шепотом обратился к Илье Петровичу:

— Какой у вас адрес? За нами сейчас приедут.

Примерно спустя час, старенькие «Жигули» четвертой модели стояли на углу улицы Осипенко, у ворот дома номер 16. Из машины выходил невысокого роста человек. Его открытое и какое-то безмятежно-светлое лицо как будто озарялось светом ясных и чуть насмешливых зеленых глаз.

Всматриваясь в табличку, прибитую на углу забора, он теребил свою густую рыжую бороду. Убедившись наконец, что улица и номер дома именно те, которые ему нужны, молодой человек легонько толкнул калитку плечом. Он видел, что она не заперта. Но тотчас же откуда-то из глубины двора послышался грозный басовитый лай. И тогда он сложил ладони рупором и крикнул:

— Хозяева!

Дверь распахнулась.

— Андрей приехал! — закричал Миша и кинулся навстречу дяде.

РАЗГОВОР НА КУХНЕ

Вначале, как и положено, был ужин. Лена — Мишина тетя и жена Андрея — накормила их очень вкусным омлетом и пирогом с капустой. Потом она, выпив вместе с ними чаю, пожелала всем спокойной ночи и пошла спать. А они втроем остались сидеть на кухне.

Рассказ получился, вопреки желанию Миши, сбивчивым и излишне эмоциональным. Во-первых, Иван то и дело перебивал: ему все казалось, что Миша упускает какие-то важные детали. А когда Миша дошел до самого главного, до заклинания, и хотел было произнести его, дядя вдруг вскочил, замахал на него руками и закричал:

— Тихо! Ни слова вслух! Ты потом все на бумаге напишешь.

Когда Андрей услышал про крутящуюся на столе фигурку и зеркало, в котором отражались лица, он сдвинул брови и попросил Мишу подробнее описать все, что ему удалось увидеть. Вопреки Мишиным ожиданиям, история про

безголовых танцующих кукол не вызвала на лице Андрея скептической усмешки или какого-нибудь еще признака недоверия. Напротив, дядя слушал внимательнейшим образом, с самым что ни на есть серьезным выражением лица.

И вообще, чем больше Иван и Миша рассказывали ему, тем серьезней и строже становилось лицо Андрея. Даже глаза его, глаза, которые всегда таили озорную насмешку, теперь смотрели встревоженно и напряженно.

— Вот что, — строго произнес Андрей, когда Иван и Миша, перебивая друг друга, закончили, наконец рассказывать недавно пережитый эпизод с дикими псами, — если вы уже все рассказали, отправляйтесь спать. И еще: коль уж вы мне доверились, то с этой минуты никакой самодеятельности. Ясно?

Мальчики послушно кивнули.

— Ты, Иван, отдай мне фигурку. Надеюсь, после всего, что случилось, она тебе больше не понадобится? — Андрей поднял на Ивана глаза.

— Уж это точно, — попытался улыбнуться Иван.

— А ты, Михаил, напиши-ка здесь заклинание. — С этими словами Андрей положил перед Мишей ручку и чистый лист бумаги.

Таким взволнованным и серьезным Миша никогда еще не видел своего дядю.

— Сам же ты, — произнес Андрей после того, как Миша закончил писать, — должен забыть эти слова. Забыть и никогда больше не вспоминать!

— Но это невозможно, Андрей! Ты же знаешь, какая у меня память! — возразил Миша.

— Постарайся.

Миша молчал, виновато опустив голову.

— К сожалению, мне пока еще мало что понятно. Но завтра же я позвоню одному человеку, который, думаю, сможет пролить свет на кое-какие загадки...

— Ой! Я вспомнил! — выкрикнул Иван, стоя на пороге кухни. — Когда этот толстяк в сарай вошел, он про огонь что-то такое говорил и еще что человек то ли зверем станет, то ли...

— Да нет же, — перебил Миша. — Он сказал: «Исчезнет грань, отделяющая человека от зверя!»

— Ну, правильно... И еще сказал: «Три дня вам осталось!» Не знаю, кому... Манекенам, что ли? Но про эти три дня я точно запомнил, потому что мне на последнюю фигурку он тоже три дня отвел. И велел принести ее до захода солнца! Ну, жука этого...

— А формула?! — Миша аж подпрыгнул. — Как же мы с тобой про формулу-то забыли?

— Какую формулу? — не понял Иван.

— Тринадцатью тринадцать, тринадцать раз! Вот какую!

— Точно! Он так и сказал... Только я не думал, что это формула...

Мальчики пошли спать, а Андрей направился в маленькую комнату, которая служила ему кабинетом. Закрыв за собой дверь, Андрей осторожно, ухватившись за кожаный узелок, вытащил из мешочка фигурку. Это был жук. Андрей не считал себя крупным специалистом в области насекомых, но все же, приглядевшись к полукруглым рогам, предположил, что, скорее всего, это жука-скарabei. Или, попросту, навозный. Поставив фигурку на краешек стола, он выключил настольную лампу. В темноте от фигурки исходило слабое зеленоватое свечение. «Три дня... три дня», — крутилось у него в голове. Отчего-то эти «три дня» встревожили его чуть ли не больше всего услышанного. И потом, эта многократно повторяющаяся цифра 13! Тринадцать фигурок, до каждой должно было дотронуться 13 человек, и все это в течение тринадцати месяцев. «Тринадцатью тринадцать, тринадцать раз...» — так сказал этот Трофимыч... Сколько же это получится, интересно? Андрей включил свет, выдвинул ящик письменного стола и достал оттуда маленький калькулятор. Умножил 13 на 13 и еще раз на 13.

Получилась ни о чем не говорящая ему цифра: 2 197. «Ну и что?» — спросил он себя мысленно. Взгляд снова упал на фигурку. Желтовато-коричневая, а в углублениях сильно потемневшая, она, судя по всему, была исключительно древней. Но Андрей не решился определить ее возраст. Даже

приблизительно. «Пусть этим займется профессор», — подумал он с твердым намерением с самого утра позвонить Василию Ивановичу.

Профессор Привальский был старинным приятелем Андрея и большим специалистом во всем, что касалось древности. Главным же его «коньком» считались культовые обряды. «А где культ, там и магия — эти понятия неразрывно связаны и уходят корнями в глубь веков», — пришли на память слова профессора. И хотя Андрей, в отличие от Василия Ивановича, не слишком верил сказкам про всяких там чародеев и колдунов, на душе у него было очень беспокойно. Пусть даже услышанное им во многом является вымыслом, фантазией и плодом воображения двух напуганных мальчиков...

Рассуждая, Андрей неотрывно смотрел на фигурку. Казалось, та властно притягивала к себе его взгляд. Несомненно, эта вырезанная из кости с соблюдением мельчайших анатомических подробностей — вплоть до волосков на каждой из шести лапок — фигурка являлась творением рук искуснейшего мастера древности. Но для чего? Для каких целей так кропотливо трудился над ней неизвестный художник? Уж ясно теперь, что не из бескорыстной любви к искусству. Да, этот маленький жук скрывал в себе великую тайну. И Андрей во что бы то ни стало должен теперь ее раскрыть!

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ОТРАЖЕНИЯ

Станция «Маяковская». Ему выходить. По переходу налево, потом еще раз налево. И вот он уже стоит на Тверской. А что ему здесь нужно? Он озирается по сторонам, изо всех сил стараясь

вспомнить, зачем он сюда приехал. Записка. Точно! Он достает из кармана куртки измятый клочок бумаги и читает: Агентство «ВАКТАРАНА». Тверская, 24/2, 6 этаж. Но кто написал эту записку? И что он должен сделать, оказавшись в этом агентстве «ВАКТАРАНА»? Знакомое слово... И почерк тоже знакомый... Аккуратный и с небольшим наклоном в левую сторону. И, так и не вспомнив, какое у него поручение и от кого, он идет по улице, вглядываясь в номера домов.

«Вактарана, вактарана», — звучало у него в голове. Мокрый снег крупными хлопьями валил с неба и тут же таял, едва долетев до асфальта. «Стоп! ВАКТАРАНА! Это же последнее слово заклинания! Ну-ка, ну-ка... Нерт варма хворт зивога мерто кераго хав лато хио менецы... ВАКТАРАНА! Так и есть!» — неизвестно чему обрадовавшись, вспомнил он. И тут откуда-то слева послышался сухой, ломкий хруст. Он резко повернул голову. Огромное стекло витрины магазина прямо на глазах покрылось множеством трещин и затем со звоном распалось на множество мельчайших осколков. И вот уже целые сугробы крошеного стекла лежат у него под ногами, преграждая путь. Он поднимает голову и с ужасом видит в открывшейся вдруг витрине одетые в роскошные платья и костюмы... безголовые манекены. Он пытается перепрыгнуть через стеклянный сугроб, но тот оказывается слишком высоким. Тогда в отчаянии он бросается на гору осколков и, рняя руки в кровь, карабкается все выше и выше. Но гора продолжает расти. Вот он уже стоит на ее вершине и, глядя вниз, видит машины, проносящиеся на огромной скорости навстречу друг другу. И машины эти кажутся ему

маленькими-маленькими, как будто он наблюдает за ними с крыши шестнадцатипятиэтажного дома. Но отчего же так больно? Он протягивает свою руку ладонью кверху и тотчас же отдергивает ее. Вот оно что! Оказывается, с неба теперь падают вовсе не снежинки и даже не ледяные градины; это мелкие острые осколки; они сыплются и сыплются, обжигая кожу. А гора, на вершине которой он сейчас стоит, с каждой секундой становится все выше и выше. Он оборачивается, но не видит сзади себя ничего, кроме длинных ярко-желтых ворсинок, похожих на пух цыпленка. Как будто бы кто-то невидимый построил стену и обтянул ее всю желтым, колыхающимся пухом. Что это? Откуда? Тогда он, прикрывая глаза рукой, чтобы туда не попали осколки, смотрит вверх: две огромные ладони, подобные разрозненным крыльям розовой гигантской птицы, парят прямо над его головой. Чьи же они? Почему такие огромные? Манекен! Безголовый манекен! Это его руки! И ярко-желтый пух — это ворсистая ткань, из которой сшита его одежда. Стоп! Значит, это та самая, в безрукавном желтом платье... Да, еще когда она стояла в витрине, а он проходил мимо, взгляд зафиксировал этот кислотной яркости цвет... А вот и ее плечи, покачивающиеся на уровне крыши пятиэтажного дома... И шея, торчащая посредине. Ширина этой изогнутой, сужающейся кверху шеи в основании своем никак не меньше того бетонного столба, что стоит на углу... Гигантская рука приближается к его лицу... Вот средний палец закруглился, вот он сомкнулся уже с большим пальцем, огромная кисть напряглась, и невероятной силы щелчок сбивает его с ног. Удар

пришелся прямо в грудь... И он кубарем катится вниз. Теперь он слышит чей-то голос, звучащий откуда-то с неба: «Это тебе за обломок весла!» А он все катится и катится с горы. Какая же она высоченная! Осколки больно впиваются в тело, он старается спрятать лицо... И вот он лежит на грязном, мокром асфальте. Машина! Она несется прямо на него... Он руками закрывает голову, со свистом машина пронесется мимо, окатив его всего какой-то липкой жидкостью с резким запахом... Отвратительный, жуткий, но как будто бы знакомый запах... Смесь дегтя с нашатырем... Он вскакивает. Огромная черная тень нависла над ним. Что это? Гигантских, просто невероятных размеров серебристая туфля медленно, но неотвратно опускается прямо на него... Острый каблук-шпилька уже в нескольких сантиметрах от его лица. Он уворачивается, а каблук с сухим хрустом вонзается в асфальт. Ломаные линии трещин, похожие на лапы огромного паука, побежали в разные стороны.

А нога манекена-великанши дергается в тщетных попытках выдернуть из асфальта застрявший каблук. И вот он уже бежит прочь. Спасение там — на противоположной стороне улицы. Нужно как-то туда попасть! Он стоит на середине проезжей части. Там, на той стороне, ходят люди. Обычные, живые люди... Он кричит, но никто не слышит, никто не оборачивается на его крик. Наверное, это из-за машин, которые с визгом, на бешеной скорости проносятся по Тверской. Он смотрит под ноги и видит обычный серый камешек. Но сейчас же понимает, что этот камешек вовсе не обычный! Что же он должен сделать? Да просто бросить камешек туда, на

ВАКТАРАИ

ТВЕРСКАЯ 24
УЛИЦА

проезжую часть. Просто бросить — и все! Он наклоняется, берет в руки камень, который, едва он его коснулся, превратился в настоящий булыжник, никак не меньше кирпича. Но делать нечего — он замахивается и швыряет каменюку куда-то на проезжую часть. Бешеный визг тормозов, грохот, треск, звон разбитых стекол... Затем все звуки стихают, и движение, как по мановению волшебной палочки, останавливается. И только теперь он с изумлением видит, что это вовсе никакие не машины, а громадные разноцветные... жуки. Невероятных размеров рогатые жуки. Тогда откуда же эти звуки: звон стекол и визг тормозов? Но рассуждать некогда, и он срывается с места и бежит. Вперед! Он успеет! Бежит и успевает! И едва нога его касается тротуара, как за спиной снова слышатся свист, гул и жужжанье. Теперь-то он ясно различает все звуки: жуки-машины ожили. Но сейчас это не важно, потому что он успел... Он среди людей. Теперь, наверное, можно оглянуться... Нет, лучше не надо — оборачиваться страшно, ведь он и так знает, что сзади тот великан, вернее, великанша в пушистом ярко-желтом платье... Интересно, удалось ей освободить свою серебряную туфельку или до сих пор мучается, бедняжка? Пусть знает, чудище безголовое! Но что это? Почему силуэты всех людей такие странные? Он вглядывается в фигуры идущих мимо прохожих... Да они же все... безголовые! Он залетает в открытые настежь стеклянные двери магазина. Повсюду, тут и там, стоят одетые с иголочки безголовые манекены... А где же продавцы, где покупатели? Но вот же, вот они, двигаются, шевелят руками, ходят... Но почему здесь так тихо? Да по-

тому что все молчат. А молчат они потому, что у них нет голов! Ни у кого — ни у манекенов, ни у продавцов, ни у покупателей... Бежать! Он выбегает на улицу. «Тук тук-тук!» Неужели это сердце так громко стучит? Но тогда почему содрогается все вокруг: и деревья, и дома, и даже асфальт под ногами? Страшная догадка яркой вспышкой озаряет сознание: это шаги гигантского монстра в серебряных туфлях! Безголовая женщина-манекен преследует его. И каждый шаг ее заставляет вздрагивать все вокруг. А в следующее мгновение неведомая сила подхватывает его и стремительно поднимает вверх. Что это? Где он оказался? Почему вокруг так темно? Рукою он ощупывает шершавую поверхность, пробует надавить на нее... И вдруг с ужасом понимает, что оказался зажатым в гигантском кулаке женщины-манекена... «А как же агентство «ВАКТАРАНА»? Меня же там ждут!»

«ВАК-ТА-РАНА, ВАК-ТА-РАНА!» — молотком стучало у Миши в висках. Он проснулся в холодном поту. Подушка была мокрой. Футболка, в которой он спал, тоже. Тут он увидел тоненькую полоску света. Она пробивалась из-под двери маленькой комнаты. «Значит, Андрей еще не спит», — подумал мальчик, и от этой простой мысли по всей душе словно разлилось уютное, обволакивающее тепло. Так бывало с ним в детстве, когда за окном завывал ветер, а он лежал под одеялом, свернувшись калачиком, и думал: «Хорошо, что у меня есть дом!» Миша поднялся и, шлепая босыми ногами по холодному полу, пошел в ванную. Нужно было умыться. И воду сделать погорячее, чтобы от приснившегося кошмара не осталось и следа. Он на всю открыл кран. Толстая

упругая струя шумно (как ему показалось) ударила в белую, тускло поблескивающую стенку раковины. Миша подставил ладонь под струю. Вода была едва теплой. Нужно немного подождать... «ВАКТАРАНА, ВАКТАРАНА» — все еще крутилось в голове... «Слово какое-то знакомое», — подумал мальчик, и вдруг перед его взором с необыкновенной ясностью, словно написанные прописью черными чернилами на белой поверхности раковины, стали возникать буквы. И по мере того как Миша читал, слова исчезали, словно смываемые водой, во всю хлещущей из блестящего никелированного крана, и на их месте тут же появлялись новые: Нерт варма хворт зивога мерто кераго хав лата хио менецы... ВАКТАРАНА. «Так вот откуда это слово!» С неприязнью мальчик ощутил, как по спине холодной струйкой пробежали мурашки. Миша выпрямился, и тут взгляд его упал в зеркало, повешенное над раковиной. Он вскрикнул и с ужасом отпрянул в сторону... В овале зеркала отражались только голубые пластиковые полочки, заставленные разноцветными флакончиками, баночками и коробочками. Мишиного лица в нем не было... Поборов ужас, он набрал в легкие побольше воздуха, плеснул в лицо водой и снова взглянул в зеркало. Лицо было на месте. То есть оно, как и положено, отражалось в зеркале. Правда, зеркало теперь изрядно запотело. Ведь из открытого на полную мощь крана все это время лилась горячая вода. Над раковиной клубился густой пар. Миша закрутил кран, протер ладонью зеркало и еще раз посмотрел на свое отражение. С ним все было в порядке. Тогда он вышел из ванной и, щелкнув выключателем, на цыпочках, чтобы

никого не разбудить, направился к Андрею. На письменном столе Андрея горела оранжевая лампа. Казалось, Андрей совсем не удивился ночному визиту племянника. Он улыбнулся, отодвинул в сторону толстую книгу и сказал:

— Садись, лунатик!

— Андрей, мне сон приснился страшный... Про манекены. Ты же сказал, все тебе рассказывать... Вот я и пришел. Иначе забуду.

О пропавшем на миг отражении Миша твердо решил не рассказывать, чтобы не выглядеть в глазах Андрея окончательным кретином.

ВНЕЗАПНАЯ БОЛЕЗНЬ

Самым поразительным было то, что, рассказывая Андрею свой кошмарный сон, Миша вспомнил даже адрес агентства «ВАКТАРА-НА», которое он разыскивал во сне. Андрей слушал его, не перебивая. И даже что-то записывал. Когда племянник замолчал, Андрей внимательно посмотрел на него.

— Что-то мне, Михаил, глаза твои не нравятся... Ты вообще-то как себя чувствуешь?

— Нормально... — Миша пожал плечами.

Андрей протянул руку и тыльной стороной ладони дотронулся до его лба.

— Конечно! С такой температурой еще и не то приснится! Немедленно в постель, а я поставлю чайник.

Градусник показывал 38 и 8. Выпив таблетку шипучего аспирина и стакан горячего чая с медом, он до утра проспал на маленьком диванчике в комнате Андрея.

Решение Андрея было вот каким: Миша остается у него. Куда же ехать с такой температу-

рой? Уходя на работу, дядя предупредил, что вернется поздно, потому что вечером зайдет к профессору. На следующий день, в воскресенье, Андрей никуда не ходил, но почти целый день провел у себя в кабинете. Телефон звонил не умолкая. С Мишей Андрей разговаривал мало, впрочем, как и с Мишиной тетей. Казалось, он был чем-то то ли удручен, то ли сильно озабочен. Такая манера поведения была ему совсем не свойственна. Между тем температура у Миши все никак не спадала. Жутко болела голова. Таблетки не помогали. Два дня он провел в постели. Его все время клонило в сон. Единственной радостью были телефонные разговоры с Иваном. В воскресенье они перезванивались несколько раз.

В понедельник рано утром раздался телефонный звонок. Звонил профессор Привальский. Не позавтракав и даже не выпив чаю, Андрей быстро собрался и вышел из дому.

ФОРМУЛА НЕЛЮДЕЙ

Профессор Привальский был совсем не похож на тот хрестоматийный образ профессора, к которому все привыкли и который так часто используется в кино и книжках. Василий Иванович больше походил на актера, чем на профессора. Особенно сходство это увеличивалось благодаря густым черным усам, которые он всегда закручивал острыми концами кверху. В одежде профессор придерживался классического стиля. И всегда, даже дома, имел элегантный вид. Сейчас на нем был белый, домашней вязки свитер и темно-серые брюки.

— А, Андрей Николаевич! Безмерно рад, безмерно! — воскликнул он, поднимаясь из-за стола

навстречу входящему в комнату Андрею. Они обращались друг к другу исключительно на «вы».

— Как чувствуете себя, Василий Иванович? — спрашивал Андрей, крепко пожимая руку профессора.

— Не жалуюсь, слава Богу. Да вы присаживайтесь. Разговор нам предстоит долгий. Посему, предлагаю начать не мешкая.

— Я весь — внимание!

— А я вот и растерялся вдруг! Не выберу никак, с чего начать. — Профессор намотал на палец кончик правого уса. — Известно ли вам, что означает понятие «тотемизм»?

— Зная вашу специальность, профессор, скажу, что это название одного из древних культов.

— «Тотем» на языке индейцев племени оджибве означает «его род». Вы, конечно, знаете, что наши древние предки были абсолютно уверены, что люди произошли от животных. Только одни — от волков, другие — от воронов, медведей, слонов или лисиц... Отсюда и принятое в науке название этого древнейшего верования — «тотемизм». Австралийские аборигены до сих пор считают своими предками ящерицу Мильбили, змею Минди, удава Волунку и индюка Кипара. Впрочем, трудно назвать животное, которое бы не являлось чьим-нибудь тотемом. И вот, извольте ли видеть, — Василий Иванович указал рукой на стоящую на столе фигурку жука, — перед вами тот же самый тотем, только в скульптурном, так сказать, исполнении. Я полагаю, что последней, тринадцатой фигуркой, жук-скарабей выбран неслучайно. Ведь именно он дол-

гое время считался одним из главных священных животных Египта. Впрочем, это только мое предположение...

По просьбе профессора, Андрей оставил у него фигурку жука, а вместе с ней и текст таинственного заклинания. Тогда же, в субботу вечером, он поведал Василию Ивановичу и все, что ему удалось узнать от ребят.

— Вы хотите сказать, что корни этого культа уходят в самую глубину веков?

— Безусловно! — подтвердил профессор. — Но со временем менялись представления людей о мире, а значит, и формы обрядов, внешние атрибуты культов. Какие-то вещи исчезали безвозвратно, а на смену им приходили новые ритуальные обряды и своды правил. Поэтому многие из древних культов дошли до нас уже в более, что ли, отточенном, осовремененном виде. В данном же случае, благодаря той самой формуле — тринадцатью тринадцать, тринадцать раз — и этой маленькой фигурке, я могу назвать вам точную дату появления культа. Вернее, произведя некоторые вычисления, мы получим дату, которой ознаменован некий новый, важнейший этап жизни этого, безусловно, более древнего культа. То есть мы с вами можем точно сказать, когда у них появилась эта формула и, начиная с этого времени, проследить за их развитием вплоть до наших дней.

— Профессор, вы сказали, что формула у них «появилась». Откуда же, позвольте узнать?

— Боюсь, что ответа на этот вопрос не существует. И даже сами «нелюди» не скажут вам ничего вразумительного!

— «Нелюди»? — Андрей вскинул брови.

— Да, именно так они себя и называют. Хотя

в некоторых исследовательских трудах мне попадались иные названия: «обращенные», «человеко-звери», «полулюди»... Но суть при этом остается неизменной: поклонение животной силе и стремление к стиранию различий между человеком и зверем. То самое «возвращение к корням», то есть к прародителям, или к тотему. А осуществить это «возвращение», согласно их верованию, возможно только в том случае, если сумеешь «влезть в шкуру зверя». Но не в смысле — надеть на себя звериную шкуру, а именно стать зверем. Пусть на время. И тут без магии, колдовства, заклинаний и помощи сверхъестественных сил уж никак не обойтись!

— К чему вы клоните, профессор? Вы хотите сказать, что мы имеем дело с так называемыми оборотнями? Что при помощи всяческих заклинаний, магических фигурок и прочей ерунды они могут превращаться в зверей?

— Во всяком случае, их «послания» свидетельствуют именно об этом.

— И вы хотите, чтобы я поверил в сказки про страшных оборотней?

— Знаю, знаю... — улыбнулся Василий Иванович. — Ваше скептическое отношение ко всему, что выходит за грань объяснимого, мне хорошо известно. Но тут одно из двух: или вы хотя бы на время забудете свои принципы и безоговорочно поверите всему, что я вам скажу — а превращение в зверей — далеко не самое невероятное в моей истории, — или я замолкаю на веки вечные. И к этой теме мы больше не возвращаемся. Выбор за вами, милейший Андрей Николаевич!

С минуту Андрей сидел молча, глядя на свои сцепленные замком пальцы.

Потом он поднял глаза и произнес спокойно:

— Продолжайте, профессор.

Василий Иванович прищурился и посмотрел на Андрея долгим внимательным взглядом:

— Боюсь, что сегодня вам предстоит не только слушать, но и действовать... Впрочем, не станем забегать вперед. Вернемся лучше к магической формуле.

Василий Иванович раскрыл большую изрядно потрепанную тетрадь.

— Этот перевод я сделал несколько лет назад, когда впервые в одном из архивов по воле случая наткнулся на тексты «Тайных посланий к нелюдям». Итак, слушайте: «Всякий подобный тринадцатый год, вы, человеко-звери, должны приумножать число обращенных. Раздайте же тринадцати человекам по тринадцать разных зверей. И пусть каждый зверь тоже соберет по тринадцать человек. Зверей же этих соберите вместе и храните до тех самых пор, пока не вспыхнет огонь. Лет же таких должно быть тоже тринадцать». Давайте пока остановимся и распифруем сказанное. «Всякий подобный тринадцатый год...» Здесь слово «подобный» можно перевести и как особый, отличный от других. Я предположил, что речь идет о високосных годах. И, судя по всему, не ошибся. Таким образом, если мы возьмем каждый тринадцатый по счету високосный год, то увидим, что промежуток между ними составит 52 года. «Лет же таких должно быть тринадцать». А сейчас будьте внимательны, здесь и запутаться немудрено: тринадцать тринадцатых по счету високосных годов. Вам понятно, Андрей Николаевич?

— Да вроде бы, — неуверенно протянул Андрей.

— Ничего-ничего, сейчас поймете, — обнадежил профессор и продолжил: — Итак, мы имеем тринадцать тринадцатых по счету високосных годов. А теперь давайте предположим, что нынешний, то есть 2000 год, который, как известно, является именно високосным, должен стать последним, то есть тринадцатым годом, отпущенным на все про все «нелюдям». А для этого предположения мы, учитывая все, что рассказали ребята, имеем все основания. И что же получилось? — Профессор положил перед Андреем листок. — Смотрите на график: здесь, от 2000 года, я шел назад, отнимая каждый раз число 52. Это, если помните, промежуток между каждым тринадцатым високосным годом. Вот у меня получилось 13 отрезков. И, как видите, первый обозначен 1324 годом! Это и есть дата появления у «нелюдей» магической формулы, которую в данном случае следует рассматривать как руководство к действию. Смею предположить, что столь же древним является и этот жук, как, впрочем, и остальные фигурки. Вот, взгляните-ка сюда, друг мой. — Василий Иванович положил перед Андреем еще один листок. — Эти изображения были под текстом «посланий». Я их скопировал. Как видите, 13 разных животных, и последний — жук скарабей! А первая — крыса. Если не ошибаюсь, первой мальчишки получили именно фигурку крысы?

— Так они говорят. А вот, — Андрей указал на предпоследний рисунок, — жаба. И у обеих жаба была двенадцатой фигуркой. Правда, они приняли ее за лягушку...

— Смею вас уверить, что последовательность выдачи остальных зверей: кабана, медведя, яще-

рицы, орла, волка, — профессор повернул к себе рисунок, — ну и-так далее, тоже совпадет. Теперь, когда мы разобрались с годами, можно переходить и к фигуркам. Что же сказано в «послании» про фигурки? «...Вы, человеко-звери, должны приумножать число обращенных», — написано в «послании». Интересно, каким же образом? Да вот каким: «Раздайте тринадцати человекам по тринадцать разных зверей». Теперь мы с вами понимаем, что речь здесь идет о фигурках!

— Ну, конечно! — закричал Андрей. — Ведь каждый мальчик получал тринадцать фигурок, и до каждой должно было дотронуться тринадцать человек!

— И вот эти самые тринадцать дотронувшихся и должны были, сами того не ведая, пополнить ряды «обращенных»! Смотрите, ведь тут так прямо и сказано: «Пусть каждый зверь тоже соберет по тринадцать человек». И получается, если тринадцать человек получали по тринадцать фигурок, то, умножив 13 на 13, мы получим число 169. Такого количество фигурок, собираемое «нелюдями» каждый, скажем условно, «урожайный» год. А всего таких годов тоже должно быть 13.

— И теперь нам остается помножить! — Андрей достал из кармана маленький калькулятор. — Тринадцатью тринадцать, тринадцать раз!

— Я давно уже умножил, — улыбнулся профессор, — 2197 «заряженных» фигурок должно скопиться у «нелюдей» к началу Конца Света... Извините за невольный каламбур.

— Какой еще Конец Света? — опешил Андрей.

— Вот мы с вами и подобрались к самому главному. Вернее, почти к главному! Слушайте дальше! — Профессор снова начал читать: — «И ког-

да труд ваш будет завершен, исчезнет граница, отделяющая человека от зверя...» Эти слова вам ничего не напоминают?

— Да, профессор, что-то очень похожее произнес в сарае толстяк Трофимыч...

— «А с нею — то есть с границей, отделяющей человека от зверя, — пояснил Василий Иванович, — исчезнет и весь мир, каким его знают люди. Спасутся лишь обращенные. Иным же не будет места в вашем царстве, человеко-звери! И сгорит все в огне. И вспыхнет он тринадцатого числа, тринадцатого месяца, последнего тринадцатого года. И гореть ему — тринадцать дней и ночей».

— Интересное кино... — Андрей потеревил свою бороду. — Год, понятно, нынешний, это мы уже выяснили... А что за тринадцатый месяц такой?

— Не хочу утомлять вас лишними цифрами и расчетами — их и так у нас выше крыши... Поверьте уж мне на слово: согласно календарю «нелюдей» наш ноябрь считается у них последним, тринадцатым месяцем в году. А октябрь, соответственно, первым.

— Но ведь сегодня тринадцатое ноября! — Андрей даже вскочил со стула.

— Именно к этому я вас и подводил. Теперь вспомните «три дня», которые Трофимыч отпустил Ивану на фигурку жука. И те «три дня», которые, по его словам, остались манекенам! И про огонь он тоже говорил, верно?

— Стоп! Но ведь тринадцатая фигурка Ивана стоит у вас на столе! Что ж получается: если Иван не доставит ее к сроку, а он не сделает этого, весь грандиозный план Кюнца Света летит к чертовой бабушке? А Михаил и вовсе выбыл из игры!

— Когда он выбыл? После того, как честно доставил 12 «заряженных» фигурок. Улавливаете мою мысль?

— Честно говоря, не совсем... — сознался Андрей.

— Да просто-напросто людей, то есть исполнителей, они всегда набирали с запасом! Так как не имели права рисковать, ведь не забывают, что «урожайные», то есть активные годы выпадали лишь два раза в столетие! И за 13 месяцев нужно было успеть «зарядить» 169 фигурок. А потом «нелюди» впадали в глубокую спячку, каждый раз длящуюся ровно 52 года. И наверняка то собрание, на котором присутствовали наши мальчишки, было не единственным в своем роде.

— Что ж, тогда и фигурок должно быть с запасом?

— Разумеется.

— А если больше набиралось?

— Я полагаю, — сказал профессор, — что лишние фигурки просто не срабатывали.

— Как так? — не понял Андрей.

— То самое зеркальце, про которое рассказывал ваш племянник, не отражало лиц, если количество фигурок превышало требуемое. И лишние фигурки просто, я полагаю, уничтожались за ненадобностью. В общем, я нисколько не сомневаюсь, что механизм определения и отбора фигурок все эти годы работал четко, как часы. Так что не надейтесь, из-за жука, не принесенного мальчиком в срок, ничего измениться не может. И если суждено сбыться пророчествам, написанным в «посланиях», то...

— А вы, профессор, верите этим пророчествам? Вы-то как думаете, суждено им сбыться или нет?

— Все зависит от вас, — ответил Василий Иванович и серьезно посмотрел Андрею в глаза.

СПАСАЮЩИЙ СЛОВОМ

— Как прикажете это понимать? Каким образом от меня может зависеть, сбудутся или нет древние пророчества каких-то «нелюдей»? — Андрей недоуменно взглянул на профессора.

— До этого мы еще дойдем, не спешите, друг мой. И не пугайтесь раньше времени. Читаем дальше: «Тринадцать полулюдей сгорят в огне. А с ними и все собранные вами звери». Догадываетесь, о каких полулюдях идет речь?

— О безголовых манекенах, что ли? — произнес неуверенно Андрей.

— Именно!

— Но ведь это не полуманекены, а всего лишь безголовые?

— В голове, согласно представлениям «нелюдей», сосредоточено все, что отличает человека от зверя: ум, речь, способность к логическому мышлению, совесть и все вытекающие отсюда качества и свойства, которых лишены животные. Следовательно, фигура человека, лишенная головы, вполне может быть названа половиной человека. И эти полулюди символизируют человеческую часть оборотней. Их тоже должно быть тринадцать. И к ним в огонь должны быть брошены все фигурки, собранные за период времени, равный 676 годам. Эту цифру я получил, отняв от 2000 года 1324-й — год появления формулы. А вот теперь — внимание! — Василий Иванович поднял вверх указательный палец. — Вот мы с вами и дошли наконец до самого главного: «Бойтесь же, человеко-звери, того, кто придет к вам с головою в руках в Великую Ночь Обновления. Лет ему будет три раза по тринадцать. А имя его — Спасающий Словом. Не дайте же принесенной голове под звуки дерева, поющего на плече, упасть в священное пламя. Бойтесь этого, потому что как только первый огненный язык коснется той головы, в тот же миг ваши души лишатся второй половины. И не быть вам больше людьми, знайте это, человеко-звери! И все, что веками было собрано, все будет разрушено! И завалятся камнями все ваши тайные ходы. Не допустите этого, человеко-звери!» Вот так-то! — Василий Иванович устремил на Андрея пристальный, изучающий взгляд. — Что вы на это скажете, любезнейший Андрей Николаевич?

— Вы хотите сказать, что в «послании» речь идет обо мне? — спросил Андрей прерывающимся от волнения голосом.

— Да, — коротко ответил профессор Привальский, продолжая неотрывно смотреть ему в глаза.

— И это на том лишь основании, что мне 39 лет?!

— «Спасаящий Словом»... В этих двух словах, как мне кажется, заключена самая суть вашей профессии! Скольких человек вы удержали от совершения непоправимой ошибки? Скольких девочек и мальчишек убедили в том, что несчастная любовь еще не повод, чтобы сводить счеты с жизнью? Ну, хотя бы за последние три года?

— Я не считал, — растерянно ответил Андрей, — и потом, вы преувеличиваете, профессор... Я никогда не считал себя... — Андрей запнулся в поисках аргументов, но Василий Иванович продолжал наступление:

— А как называется ваша организация? «Сила слова», если мне не изменяет память?

— Но это еще ни о чем не говорит... — робко возразил Андрей. — Просто я делаю свое дело... И таких, как я, очень много... Кстати, наверняка даже в нашей службе доверия отыщется несколько психологов, которым, как и мне сейчас, тоже 39 лет!

— Итак, вы предлагаете немедленно отправиться на поиски такого человека? Предположим, что мы его найдем, расскажем ему все... Где гарантия, что он согласится участвовать в этой операции, а не сочтет нас сумасшедшими? А времени у нас осталось всего-ничего!

— Стало быть, вы уверены, что я непременно соглашусь?

— Во всяком случае, я бы вам советовал поступить именно так. Не знаю, насколько велика

степень риска, но тот факт, что ваш племянник запомнил заклинание «нелюдей» и уже несколько раз произнес его вслух, вселяет в меня большую тревогу.

— Значит, вы верите в его силу?

— Данное заклинание представляет собой некий магический код, с помощью которого «нелюди» приводят в действие сверхъестественные силы. И срабатывает здесь не особый смысл, заключенный в этих словах — смысла в них нет, думаю, никакого, — а само сочетание звуков. Произнеся заклинание вслух, Миша потревожил эти силы и невольно вступил с ними в контакт. А какими последствиями чреватые подобные контакты, я предсказывать не берусь. Поверьте, что я далек от желания запугать вас.

— Ну, хорошо, допустим, что я поверил вам и согласился. Где мы возьмем голову? Там же ясно сказано, что этот «Спасающий Словом» должен бросить в огонь голову?

— Есть у меня кое-какие соображения на этот счет, — загадочно произнес профессор Привальский и заговорщицки подмигнул Андрею, — но вначале хотелось бы понять, что означают слова «под звуки дерева, поющего на плече»? Известно, что «нелюди» музыки — в ее обычном понимании — не приемлют и даже боятся. В качестве же звукового сопровождения своих обрядов они используют либо детский плач, записанный на кассете... — (Андрей вздрогнул: про детский плач он профессору ничего не говорил. Просто забыл.) — Либо вой волков, рев диких зверей или завывания ветра. Порой они составляют целые симфонии из звуков, которые у обычных людей способны вызвать только ужас. Но, повто-

ряю, музыки, в обычном понимании, «нелюди» не признают. Я думаю, что это место в пророчестве связано именно с музыкой...

— Скрипка.

— Простите, Андрей Николаевич?

— «Деревом, поющим на плече» названа скрипка, — тихо и даже как-то обреченно произнес он, вспомнив, что Иван как раз играет на этом музыкальном инструменте. С безотчетной тоской Андрей подумал, что теперь участия в сомнительной затее профессора ему не избежать.

— Гениально! Просто потрясающе! — Глаза профессора заблестели, он с искренним восхищением смотрел на своего друга. — Ну, вы голова, Андрей Николаевич! Так, стало быть, вы согласны?! — Профессор Привальский не скрывал своей радости.

И в эту самую минуту зазвонил телефон. Василий Иванович снял трубку, но уже через секунду он протянул ее другу:

— Это вас.

На другом конце провода звучал взволнованный голос Лены, жены Андрея:

— Михаил исчез! Я только за хлебом выбежала, на пять минут... Возвращаюсь, а его нет!

— Может, он записку где-нибудь оставил? — прерывающимся от волнения голосом спросил Андрей. Ответом было молчание в трубке.

Андрей отрешенно смотрел в окно: куда мог пойти Миша? Ведь с утра у него была высокая температура... И потом, они же договорились: один Миша из дому выходить пока что не будет. Но что-то тем не менее заставило племянника нарушить договор. И это обстоятельство явилось последней каплей. Когда Андрей перевел свои

лучистые, всегда чуть насмешливые глаза на профессора, тот понял — друг принял решение.

— А помните, Андрей Николаевич, тот адрес, что приснился вашему племяннику? Тверская, 24/2, агентство «ВАКТАРАНА».

Андрей кивнул.

— Так вот, я проверил по компьютеру, — продолжал профессор Привальский, — и выяснилось, что на улице Тверской, в доме номер 24/2, среди множества других фирм, обществ и всякого рода объединений, находится и агентство «ВАКТАРАНА»! Что вы на это скажете, милейший Андрей Николаевич?

Андрей ожидал услышать что-нибудь именно в этом роде. Поэтому он спросил как о чем-то само собой разумеющемся:

— И чем же оно занимается?

— А вот этого мне узнать так и не удалось... Тут, друг мой, шифровка почище пророчеств «нелюдей» будет: какая-то деятельность риелторская да сплошные менеджменты с маркетингами... Словом, едемте, Андрей Николаевич! На месте разберемся...

ПРОИСШЕСТВИЕ В ВАГОНЕ

На станции «Мытищи» в вагон вошла женщина. Она держала на поводке большого шоколадного цвета пса. Это был доберман-пинчер. Женщина остановилась в дверях, осматривая полупустой вагон. Она, очевидно, выбирала место для себя и своего питомца. Но тут случилось нечто странное: пес внезапно рванулся вперед и побежал в самый конец вагона, таща за собой упирающуюся и тщетно пытающуюся остановить его хозяйку.

— Стоять, Рэм! Нельзя! Фу! — кричала женщина.

Пес же, добежав почти до конца вагона, резко остановился напротив одиноко сидящего, ничем не примечательного мальчика и, оскалив зубы, начал вдруг рычать и заливисто лаять. Мальчик испуганно глядел на него и медленно отодвигался к окну.

— Да что же это такое, Рэм?! Фу, я тебе говорю!

Дело в том, что Рэм был послушной собакой, поэтому хозяйка и намордник-то надевала на него чрезвычайно редко. Но всегда, на всякий случай, возила намордник с собой — а вдруг попадет какой-нибудь дотошный контролер или пассажир привередливый. Правила перевозки больших собак в общественном транспорте были ей хорошо известны. И вот сейчас, одной рукой удерживая вырывающегося Рэма, другой она пыталась отыскать в сумке намордник. Тем временем охваченный страхом мальчик буквально вжался в жесткую спинку сиденья.

И вдруг Рэм, рванувшись, сорвался с поводка, и в следующую секунду его острые зубы уже трепали рукав куртки побледневшего от ужаса мальчика.

И в этот миг, точно вытолкнутые кем-то на поверхность сознания, слова эти сами прозвучали в его голове, а ему, Мише, оставалось только повторить их. И тогда губы его зашевелились:

Нерт варма хворт зивога

Мерто кераго

Хав лата хио менецы вактарана.

И не успело последнее слово слететь с его уст, как собака сейчас же, словно отброшенная неви

димой рукой, отлетела на несколько метров, и теперь, опустив голову, она только рычала, тихо, почти жалобно поскуливала и пятилась назад.

— Что ты ему сказал, мальчик? — Женщина смотрела на Мишу широко раскрытыми глазами.

— Ничего! Лучше намордник на собаку свою наденьте! — грубо ответил он и отвернулся к окну. И хотя женщине случившееся показалось очень странным, она воздержалась от дальнейших расспросов и поспешила перейти в другой вагон. Потому что мальчик был абсолютно прав — таких собак, как ее Рэм, положено возить в намордниках.

«Опять это заклинание, — думал Миша. — Зачем я его снова повторил? Андрей же мне запретил! Но если бы я не произнес этих слов, пес точно бы покусал меня! Со мной что-то творится... Как я вообще оказался в электричке? Зачем и куда я еду?»

И он начал вспоминать.

Андрею позвонил профессор Привальский, после чего он быстро собрался и уехал в Москву. Мише же дядя велел никуда не уходить... А дальше, что же было дальше? Лена сказала, что уходит в магазин за хлебом. Он как будто бы задремал... Да, кажется, задремал... А потом вскочил, словно кто-то подтолкнул его, и начал одеваться. Да! И голос... Такой знакомый тихий голос... Он звал его и нашептывал тот самый адрес на Тверской... Значит, он сейчас едет туда? Бред какой-то... Нет, с ним явно что-то происходит. И этот коричневый пес, как его? Рэм, кажется... Он почуял это. Почуял, что Миша теперь не такой, как все, поэтому и бросился на него. А заклинание, которое внезапно всплыло в его памяти? Получается, сейчас это заклинание его спас-

ло?.. Тогда-то, на углу пустынной улицы, после того, как он произнес эти слова, получилось наоборот: откуда ни возмись набежала целая стая диких псов, и если бы не тот милый старичок... Как же его звали? Илья Петрович!

Получается, что тогда темные силы были как бы против него... А сейчас уже они его защищают! Почему?

Миша передернул плечами, пытаясь стряхнуть с себя наваждение.

«Следующая — конечная. Москва — Ярославский», — объявил механический голос. Нужно было выходить из электрички и куда-то идти... А куда, он и сам не знал... А может, не идти никуда, остаться здесь, в вагоне, и вернуться на этом же поезде в Пушкино? Пока еще не поздно... Но, точно движимый чьей-то волей, он, не поднимая головы, поплелся в тамбур. Двери электрички со скрежетом разъехались в разные стороны, и Миша шагнул в зыбкие, пропитанные табачным дымом сумерки.

13 ОТРУБЛЕННЫХ ГОЛОВ

Два почтенных господина стояли напротив глухой металлической двери и с неподдельным интересом изучали единственную табличку, прибитую над дверью. На табличке скупо значилось: «ПОДЪЕЗД № 2».

— Василий Иванович, может быть, дом другой?

— Пойдите, Андрей Николаевич! — С этими словами профессор Привальский пальцем правой руки нажал на блестящую, размером с рублевую монету, металлическую кнопку. Тут что-то тихо пискнуло, Василий Иванович надавил

на черную ручку, и дверь подалась. Внизу, отделенный от них одним лестничным пролетом, справа от сомкнутых дверей лифта, стоял стол, а за столом сидел охранник в форменной одежде.

— Добрый вечер, — начал профессор низким бархатистым голосом.

Охранник угрюмо кивнул и, смерив вошедших презрительным взглядом, отвернулся и устоялся куда-то в стену.

— Нас интересует агентство «ВАКТАРАНА», — продолжал профессор, выдержав некоторую паузу. — Не могли бы вы...

— Как о вас доложить? — грубо перебил охранник.

Профессор широким жестом достал из внутреннего кармана своего черного длиннополого пальто черное же, явно не дешевое портмоне и двумя пальцами, изящным и привычным движением извлек оттуда серебристую визитку. Охранник устоялся на карточку тупым взглядом и некоторое время сидел неподвижно, очевидно, углубившись в изучение написанных на визитке слов. Впечатление было такое, что процесс складывания букв в слова вызывает у этого человека серьезные затруднения. Профессор, воспользовавшись моментом, хитро и одобряюще подмигнул Андрею. Ведь для того все происходящее являлось полной неожиданностью. По пути они с профессором договорились о том, что инициативу в этом деле полностью берет на себя Василий Иванович. «А вы, друг мой, лучше стойте молча. И, главное, ничему не удивляйтесь. Чтобы я ни сказал, ни сделал — воспринимайте все как должное. Вы, Андрей Николаевич, слишком... бесхитростны для таких дел. А свое слово вы еще скажете!» Такие наставления

давал ему профессор по пути сюда. И Андрей не спорил и не возражал. Он вообще смутно себе представлял, зачем они едут на Тверскую. И каким образом профессор Привальский собирается заполучить голову манекена?

Все это было для Андрея полной загадкой. Но сейчас он думал совсем о другом. Всю дорогу Андрея терзало беспокойство: где сейчас находится Михаил и что с ним? Василий Иванович почему-то был убежден: Миша уже там, у НИХ. Или на пути к НИМ.

Наконец охранник, оторвавшись от визитки, нажал на кнопку какого-то устройства, стоящего перед ним на столе, и, взяв в руку продолговатой формы черную пластмассовую коробочку, соединенную с устройством толстым, закрученным колечками проводом, заговорил почтительно:

— Алексей Тэмович, тут к вам клиенты пришли... Визажист из Екатеринбурга... Саламатин Артур.

Андрею стоило немалых усилий сдержать свое удивление. Профессор же перехватил его испуганный взгляд и едва уловимым движением бровей дал понять, что все идет по плану. И что обман в данном случае необходим для успешного проведения операции.

— Ясненько... Хорошо, Алексей Тэмович. Так точно. — Охранник отложил в сторону микрофон и сказал голосом совсем другим, сильно отличающимся от того, каким он секунду назад разговаривал с Алексеем Тэмовичем: — Шестой этаж, белая дверь налево. — И ленивым движением протянул профессору его серебристую карточку.

— Это визитная карточка моего приятеля из Екатеринбурга, — объяснил профессор Приваль-

ский уже в кабине лифта. — Он действительно работает визажистом. И потом, любезнейший Андрей Николаевич, если вы... — Но договорить профессор не успел, потому что лифт остановился и двери его совершенно бесшумно разъехались в стороны. Оба приятеля ступили на темно-серое ковровое покрытие, повернули налево и оказались перед белой дверью, на которой красовалась табличка: «Ваксов Алексей Тэмович. Генеральный директор агентства ВАКТАРАНА».

Алексей Тэмович Ваксов оказался худощавым, совсем еще молодым человеком, обладателем на редкость маловыразительной внешности. Черты его лица были какими-то тусклыми, безжизненными, но при этом как бы излишне заостренными. Однако во всей его наружности, несомненно, присутствовало нечто такое, что заставляло бы любого человека, повстречавшего Алексея Тэмовича на улице, оглянуться. И это была какая-то неизъяснимая, особого рода изможденность, сквозившая в каждом взгляде и каждом движении этого человека.

— Присаживайтесь, господа, — изрек он голосом вполне соответствующим всей его наружности — глухим и сдавленным. — Чем могу быть полезен? — Он поднял свои бесчувственные водянисто-серые глаза на посетителей.

— Нас интересуют манекены, — выложил с ходу профессор и после небольшой, но многозначительной паузы продолжил: — Вернее, одни только головы манекенов...

При этих словах генеральный директор агентства «ВАКТАРАНА» заметно вздрогнул. В памяти его тотчас возник странный клиент, посетивший его месяца три назад. Он так и не снял

тогда своей черной шляпы. Хотя на улице была жара... Стоял октябрь, самый разгар запоздалого в том году бабьего лета. Как же его звали? А впрочем, какая теперь разница... И еще голос... У него был очень необычный, какой-то вибрирующий, дрожащий голос... Он сделал срочный заказ на 13 манекенов. Заплатил вперед, наличными. И притом очень щедро заплатил... Но потом, когда ровно через две недели заказ был выполнен и господин в шляпе явился вновь, увидев манекены, приготовленные к отправке, он потребовал вдруг топор. Алексей Тэмович, вопреки обыкновению (поскольку клиент был явно перспективный) взявшийся лично сопровождать его на склад, был вынужден разыскать топор. Дальнейшие события разворачивались столь стремительно, что Алексею Тэмовичу оставалось только потесниться в угол и глазами, полными недоумения и ужаса, взирать на происходящее. Господин же в шляпе при помощи сторожа, работавшего на складе, уложил на пол в ряд все 13 манекенов. А затем, споро орудуя топором, словно это занятие было для него каждодневным упражнением, он начал по одной отрубать у великолепных, новеньких, еще пахнущих краской манекенов... головы. Эта жуткая картина — голов, бьющихся о стены и разлетающихся в разные стороны, — до сих пор являлась Алексею Тэмовичу в ночных кошмарах. А когда все закончилось, генеральный директор агентства «ВАКТАРАНА» почему-то подумал: «Надо же! Шляпа на его голове даже с места не сдвину-

лась!» И действительно, это было странно: господин размахивал руками, резко наклонялся, выпрямлялся, затем снова наклонялся, а его черная фетровая шляпа даже не шелохнулась, точно была намертво приклеена к голове. Расправившись с последним манекеном, господин в шляпе отдал распоряжение паковать и грузить обезглавленные тела в фургон, который он оставил у входа. На вопрос же Алексея Тэмовича, как же он собирается поступить с отрубленными и разбросанными по всему бетонному полу головами, необычный клиент ответил буквально следующее: «А вот это уже ваша забота, милейший. Мое же дело предупредить вас: головы должны храниться здесь ровно тринадцать месяцев. А дальше — увидим...» С этими словами господин в шляпе как-то странно ухмыльнулся и продолжил: «Если в течение означенного срока хоть один волосок упадет хоть с одной головы, отвечать придется вам. И не чем-нибудь, а непосредственно своею собственной головой, голубчик». И когда странный клиент увидел резко побледневшее лицо своего собеседника, он улыбнулся и достал из кармана небольшую пачку долларов.

— Здесь три тысячи. Надеюсь, за хранение этого будет достаточно? Да не пугайтесь вы так! Соберите их в кучу, да и все дела.

И уже в дверях обернулся вдруг и сказал:

— Лучшего названия для своей фирмы придумать вы не могли! — С этим странным замечанием необыкновенный клиент удалился.

Что касается названия, то здесь не было ни секрета, ни загадки. Все объяснялось очень просто: название фирмы состояло из первых слогов фамилий всех четырех участников дела. Однако с

этого самого дня с Алексеем Тэмовичем начали происходить вещи необъяснимые, странные и пугающие. Во-первых, сны. Кошмары начали мучить его нещадно. И все они, так или иначе, были связаны с клиентом в черной шляпе и с отрубленными головами манекенов. Загадочный господин зачастую являлся в этих снах в образе либо черного козла, либо существа с туловищем человека, но головой козла. Когда однажды (естественно, во сне) Алексей Тэмович спросил у него, почему он никогда не снимает свою шляпу, клиент, приснившийся ему на сей раз в своем нормальном человеческом образе, захохотал вдруг как-то по-козлиному: «Ме-е-е, ха-ха, ме-е-е!», а потом сказал: «Так ведь рожки! Рожки уже пробиваются, милейший...» Ночные кошмары

так сильно сказывались на настроении и самочувствии Алексея Тэмовича, что он совершенно потерял аппетит и каждый раз вечером, для того чтобы не спать, выпивал чашку наикрепчайшего кофе. После чего бесцельно слонялся по квартире часов до четырех-пяти утра, а потом все-таки ложился просто так, даже без постельного белья, и всякий раз засыпал. И за эти оставшиеся пару часов (будильник он всегда ставил на семь) ему все-таки успевал присниться очередной кошмар. И Алексей Тэмович поднимался совершенно разбитый, с чугунной головой варил себе кофе, выпивал его через силу, садился за руль темно-синего «Опеля» и как заведенный ехал в агентство. За два месяца генеральный директор агентства «ВАКТАРАНА» потерял шесть килограммов своего и без того довольно-таки скромного веса, а ладони его рук сплошь покрылись какой-то ужасной, шелушащейся коркой. За это время он посетил более десятка кабинетов самых дорогих и престижных докторов, побывал на приеме у одного очень известного психоаналитика, словом, истратил кучу денег, но никто из этих уважаемых светил медицины так и не смог сказать ему ничего вразумительного. Запах пищи, каким бы он аппетитным ни казался окружающим, вызывал у Алексея Тэмовича тошноту и режущую боль в желудке. И эта необъяснимая, внезапно навалившаяся на него хворь прочно связалась в сознании генерального директора с визитом странного господина в шляпе.

Слезы наворачивались на глаза генерального директора, когда он разглядывал свои прошлогодние фотографии. Просто не верилось, что этот жизнерадостный, пышущий здоровьем молодой

человек не кто иной как он сам, Алексей Тэмович Ваксов. Словом (хотя означенный странным клиентом срок близился к концу), Алексей Тэмович принял окончательное и бесповоротное решение снять с себя руководство «ВАКТАРАНОЙ» и переложить его на плечи ближайшего друга и сотрудника. Сам же он готовился к отъезду в Канаду, на постоянное место жительства. А головы?.. Внутренний голос подсказывал ему, что по истечении 13 месяцев (а сейчас шел уже ноябрь, то есть последний) никто за головами не явится. Ведь странный клиент не сказал по поводу сроков ничего конкретного, отделавшись отговоркой: «А дальше — увидим...» И эта неопределенность тяготила Алексея Тэмовича чуть ли не больше всего остального.

НЕ НАДО ДЕНЕГ, ГОСПОДА!

— Вам нехорошо? — встревоженно спросил Андрей, глядя на позеленевшее лицо генерального директора.

— Нет, нет... Все в порядке... Так вы, стало быть, откуда приехали, господа? Из Челябинска?

— Из Екатеринбурга, — поправил профессор Привальский, — но это почти рядышком...

— А что, ближе не нашлось подходящей фирмы? — Похоже, Алексей Тэмович понемногу приходил в себя.

— Да не в этом дело, просто здесь и дешевле, даже учитывая перевозку, и качество лучше... — выкрутился находчивый профессор.

— Качество, простите, чего? Голов? — поперхнулся Алексей Тэмович и поспешил налить в стакан минералки.

— Дело в том, что мы с другом, — профессор сделал едва уловимое движение головой в сторону Андрея, — получили очень выгодный заказ. Речь идет о дамском клубе. Или салоне красоты, если угодно... И в этой связи у нас возникла отчасти авангардная идея использования при оформлении витрины одних только голов. Не углубляясь в описание нюансов художественного решения, скажу лишь, что вы нас очень выручите, если сможете приобрести несколько голов манекенов. Без туловищ, — добавил Василий Иванович, понизив голос.

Мысли лихорадочно заработали и побежали, побежали одна за другой. Алексею Тэмовичу даже показалось, что он слышит тонкий свист — с такой скоростью проносились мысли в его уже почти отучившейся думать голове. «Похоже, они не врут. Этот, с рыжей бородкой, что молчал всю дорогу, кажется, очень милый... Лицо открытое, взгляд правдивый... А черный, с закрученными усиками — типичный художник-оформитель... Завтра же сдам все дела. Агентство нужно переименовать. Это будет мое условие. Ребята вообще не в курсе дела. И если этот псих все-таки явится и начнет требовать головы, они просто выставят его за дверь... А я к этому времени буду уже далеко... Предупредить сторожа, который работает на складе, и заплатить ему за молчание... И избавиться наконец от этого кошмара! Пусть эти двое забирают головы и увозят отсюда! И чем быстрее, тем лучше! Екатеринбург? Прекрасно! Просто замечательно!» Почему-то сейчас Алексей Тэмович, был твердо уверен, что, если со склада исчезнут отрубленные головы, все в его жизни, а главное, его покачнув-

шееся здоровье постепенно восстановится. И еще где-то в глубине души он знал: пока головы лежат тут, на складе, покоя ему не видать, куда бы он ни сбежал. Конечно, в течение этого кошмарного года у него неоднократно возникало желание погрузить головы в машину и увезти на одну из городских свалок, но каждый раз что-то останавливало его. И это «что-то» был страх. Страх перед клиентом в черной шляпе. Теперь же, после того как он принял решение отдать головы художникам из Екатеринбурга, страх, мучивший его все это время, куда-то исчез, уступив место давно забытому состоянию приподнятости духа. Алексей Тэмович решительно встал из-за стола и улыбнулся:

— Думаю, господа, я смогу вам помочь. Кажется, у нас на складе есть именно то, что вы ищете...

Однако в лифте генерального директора охватили сомнения. Он вспомнил вдруг, что все 13 голов, лежащие на складе, имеют дефекты. Механические повреждения, или, попросту говоря, на их шеях остались следы от топора... И очень даже заметные. А вдруг, увидев это, художники передумают покупать головы и решат обратиться в какую-нибудь другую фирму? Поэтому Алексей Тэмович решил предупредить клиентов заранее, чтобы увиденное не стало для них неожиданностью.

— Видите ли, господа, я только что вспомнил, что головы, как бы это выразиться... имеют небольшие повреждения... Уж не знаю, как это произошло. — При этих словах кровь ударила в лицо генерального директора. А наблюдательный и чуткий профессор отметил это про себя. Алексей

Тэмович, прокашлявшись, продолжил: — То ли при транспортировке, то ли еще каким-нибудь образом, да только шеи у них у всех по краям слегка сплющены... словно их топором рубили! — совершенно неожиданно для себя брякнул вдруг генеральный директор и как-то неестественно захихикал.

После этих слов Андрей вздрогнул, а профессор Привальский, наоборот, желая показать, что он понял и оценил шутку, широко улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

Помещение склада казалось, как и большинство помещений подобного рода, несколько жутковатым. Во-первых, запах сырости, который так и тянет назвать «могильным», во-вторых, дрожащий голубоватый свет, исходящий от длинных ламп дневного освещения, которые, несмотря на то, что были расположены по всему периметру стен, не могли как следует осветить огромное пространство склада. Поэтому здесь, на складе, было либо совсем темно, либо — когда включали свет — сумеречно. Вдоль стен рядами высились картонные коробки, пластиковые кофры и манекены, обтянутые блестящей целлофановой пленкой и выставленные несколькими рядами также вдоль стен. Алексей Тэмович неуверенной поступью продвигался в самый дальний темный угол. «Художники» неотступно следовали за ним.

— Вот, господа, все здесь, в этом пакете. — И он указал рукой на внушительных размеров темный пластиковый пакет. Пластик был прочным и почти непрозрачным. Содержимое едва просвечивало, кое-где выпирая округлыми формами и заостренными концами. Остановившись в

нескольких шагах от пакета, Алексей Тэмович, по-видимому, не собирался подходить ближе, предоставив клиентам возможность самостоятельно изучить его содержимое. Андрей тоже остановился, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу. И тогда профессор Привальский зачем-то хлопнул в ладоши и, сделав три больших шага, приблизился к пластиковому мешку. Какое-то время он молча и неподвижно изучал диковинное содержимое мешка. Потом, вынув одну голову — судя по волосам и яркому макияжу женскую, — принялся вертеть ее в руках и разглядывать, как будто прикидывая, подходит ему этот товар или нет. Особо тщательно он обследовал шею, то самое «поврежденное место».

— Надеюсь, Алексей Тэмович, вы не будете возражать, если мы в порядке, так сказать, творческого эксперимента, возьмем пока одну голову? — сказал профессор и, прищурившись, воззрился на голову, которую держал в руке.

И тут произошло нечто такое, что заставило вздрогнуть не только Андрея, но и самого профессора: с отчаянным воплем,

совершив какой-то дикий обезьяний прыжок, генеральный директор в мгновение ока оказался рядом с Василием Ивановичем. В следующую секунду он выхватил из рук профессора отрубленную голову и, отбежав зачем-то к самому выходу, остановился в дверях. Пряча свою добычу за спиной и глядя на «художников» глазами затравленного зверя, Алексей Тэмович взвизгнул:

— Нет, господа! Все или ничего!

Андрей, и без того чувствовавший себя ужасно неловко, теперь и вовсе растерялся. Профессор же, глядя в ту сторону, куда убежал генеральный директор (в тусклом свете ламп его тощий силуэт едва угадывался на фоне темной обивки дверей), медленным, как бы прогулочным шагом, слегка пружиня на ногах, направился к нему.

— Не стоит так горячиться, Алексей Тэмович, — тихо заговорил профессор. — Мы и денег-то столько с собой не взяли... — Профессор подошел уже совсем близко к Алексею Тэмовичу. — Кстати, мы с вами еще не условились о цене...

— О цене? — как-то странно, точно не понимая, о чем идет речь, переспросил генеральный директор.

— Ну да, о цене. Ведь каждый товар имеет свою цену...

На этих словах профессор Привальский полез во внутренний карман своего роскошного черного пальто. Но Алексей Тэмович неожиданно плаксивым голосом взмолился вдруг:

— Не надо денег, господа! Только умоляю вас: заберите все это сегодня. Здесь тринадцать голов. Я не возьму с вас ни копейки, господа, только умоляю вас...

Казалось, еще секунда — и из глаз генерального директора брызнут самые настоящие слезы. Профессор Привальский, мысленно прикинув, поместятся или нет все тринадцать голов в багажнике машины, решил положить конец столь тягостной для всех сцене. Он посмотрел в глаза генеральному директору и сказал:

— Поверьте, Алексей Тэмович, мы вовсе не хотим вам зла. И если вы настаиваете на том, чтобы мы увезли все тринадцать голов сегодня, то, полагаю, у вас есть на то серьезные основания.

— Вы правы, господа... — Алексей Тэмович сделал глубокий прерывистый вздох и заговорил вдруг торопливо и горячо, не делая между словами никаких пауз: — Не знаю, кто вы такие и зачем вам понадобились эти головы... Но я вижу, чувствую: вы нормальные люди... Будьте осторожны с этим... грузом, — и он кивнул в сторону пластикового пакета. — Удачи вам, господа. Берегите себя!

Когда Алексей Тэмович, проводив «художников», вернулся в свой рабочий кабинет, первое, что он ощутил, был запах жареного лука, доносившийся из буфета. И тут он с удивлением и радостью обнаружил, что запах пищи не вызывает у него тошноты, а напротив, ему вдруг ужасно, просто зверски захотелось есть. И, не думая больше ни о чем плохом, генеральный директор агентства «ВАКТАРАНА» решительно направился в буфет. Даже не заглянув в меню, он выпалил:

— Двойной эскалоп с жареным картофелем. И луку... Если можно, побольше!

ТЕПЕРЬ ТЫ НАШ

На улице было уже совсем темно, а стрелки часов подбирались к восьми, когда Андрей и его спутник, удачно разместив в багажнике содержимое пластикового пакета, отъезжали от подъезда дома номер 24/2. А ровно через три минуты у этого же самого дома, на углу, остановился черный, весь разрисованный драконами и тиграми мотоцикл. Пасти нарисованных чудищ, как и положено им, изрыгали языки желто-фиолетового пламени. Но ни Андрей, ни его находчивый спутник не могли видеть ни самого мотоцикла, ни того, что на нем было нарисовано. А если бы даже и увидели, вряд ли бы они обратили внимание на мотоцикл: слишком много всего довелось пережить им за эти показавшиеся вечностью полчаса.

— Теперь вперед, за вашим скрипачом! — сказал профессор Привальский, закуривая сигарету. Вообще-то он не курил. Вернее, курил чрезвычайно редко. В «исключительнейших», как он сам говорил, случаях. Но «дежурная» пачка сигарет всегда лежала в его кармане, дожидаясь этого особого, экстренного случая.

Миша быстро, не обращая внимания на ветер, дувший ему прямо в лицо, шел по Тверской улице. Он старался не смотреть по сторонам, а смотреть только вперед, потому что с обеих сторон тянулись, мерцая слегка затемненными стеклами, освещенные изнутри витрины дорогих магазинов. А за ними, за этими стеклами — и справа в двух шагах от него, и слева за проезжей частью — стояли разодетые в разноцветные вечерние платья и строгие костюмы... безголовые

манекены. Точно такие же, как те, что преследовали его в том кошмарном сновидении. Но сейчас был не сон. Сейчас была реальность. Странная, может быть, еще более жуткая и непонятная, чем ночной кошмар, но все-таки реальность. И сомнений в том не возникало.

«И зачем здесь понаставили этих безголовых? — мысленно возмущался Миша — Жуть какая-то, а не мода! Ни одного нормального манекена!» До дома, который ему был нужен, оставалось совсем немного: он уже видел номер, прибитый на стене. Теперь только миновать отель «Марриотт» — и, считай, он уже на месте. «На месте? На каком месте? И что я буду делать на этом месте? Стоять, пока не превращусь в сосульку?»

И тут он вздрогнул: показалось, чей-то тихий голос окликнул его по имени. «Манекены оживают! Точно, как во сне...» — была первая страшная догадка, и Миша остановился как вкопанный, боясь пошевелиться. И тогда чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо. Мальчик стоял, все еще боясь обернуться. Казалось, что страх превратил его в каменное изваяние. А сильные пальцы чужой руки крепко сжимали его плечо.

— Миша! — услышал он знакомый вкрадчивый голос прямо у себя над ухом.

Мальчик резко повернул голову. Перед ним стоял Игорь Ларин. Он улыбался, вернее, улыбались одни лишь губы, тогда как жесткий взгляд устремлен был Мише в глаза, проникая, казалось, в самую-самую глубину его души.

— Пойдем, — тихо сказал Игорь. — Там, на углу, мой мотоцикл.

— Но сейчас холодно на мотоцикле, — сказал Миша.

Он чувствовал, как его ноги, став ватными, отказывались идти. Ему было не по себе, он чувствовал, знал, что не следует идти за Игорем, и вместе с тем ощущал какую-то внутреннюю невозможность поступить иначе. Игорь же шел бодрым, уверенным шагом, даже не глядя на семяющего рядом Мишу.

— Но ведь ты за границу уехал... насовсем? — Мише хотелось говорить — все равно о чем, лишь бы не молчать. Надежда на то, что это может быть просто случайная встреча, за которой нет ничего ни необычного, ни, тем более, страшного, то загоралась в его душе маленькой мерцающей искоркой, то угасала снова.

— За границу? — рассеянно переспросил Игорь. Казалось, мысли его были сейчас где-то далеко-далеко. Потом, помолчав немного, он протянул как бы нехотя: — Уехал я или не уехал — тебе-то какая разница? Главное, что сейчас я здесь. И ты со мной. И бежать тебе некуда.

От этих вроде бы обычных слов, произнесенных Игорем как всегда бесстрастно и тихо, у Миши мурашки пробежали по спине. И только чтобы не молчать, он спросил упавшим голосом:

— Как это?

— Так. Теперь ты наш. Правда, пока только наполовину. Но это уже очень и очень много. Обычно люди годами, путем изнурительных упражнений и самоотверженного служения культуре приходят к тому, что само собой, словно подарок свалилось тебе на голову.

— В каком смысле? — нетвердым, дрожащим то ли от холода, то ли от страха голосом спросил Миша.

— Ну, то, что ты с первого раза запомнил ма-

гический ключ, уже само по себе говорит о твоих необыкновенных способностях...

— А ты откуда з-з-наешь, что я его з-з-апомнил?

— Долго объяснять, — хотел было отмахнуться Игорь, но, подумав, все-таки продолжил: — Видишь ли, где бы и кем бы ни были произнесены эти слова, они вызывают в атмосфере или, как мы говорим, ментасфере, определенные колебания. И сила этих колебаний настолько мощная, что любой из нас улавливает их и с легкостью может определить источник, производящий колебания, понимаешь?

— Так, значит, и Трофимыч уловил? — зачем-то спросил Миша, как будто бы ему это было важно.

— Трофимыч? — Игорь улыбнулся. — Не знаю, не уверен...

— Но ведь он главное, чем ты?

— С чего ты взял? Кабан на земле, а ястреб в небе. Стало быть, ястреб выше, — ответил он, и таинственная улыбка снова заиграла на его губах.

Миша не понял, о чем говорит Игорь, но смутная тревога, поднявшаяся мощной волной откуда-то из глубины души, заставила его вспомнить то, казавшееся теперь бесконечно далеким, собрание в пустом ангаре. Ведь именно голова дикого кабана привиделась ему в тот раз на плечах толстяка. А вместо головы Игоря он увидел тогда голову какой-то птицы...

— Ты нарушил запрет и скоро станешь одним из нас, — торжественным голосом сообщил Игорь. — Люди по невежеству своему называют нас оборотнями, но лично мне не по душе это слово. Куда величественнее звучит «обращенные»! Чувствуешь разницу?

В глазах у Миши вдруг потемнело. Он шел, почти ничего не видя перед собой. Слова Игоря Ларина о том, что ему, Мише, предстоит скоро стать оборотнем, ошарашили его и, казалось, лишили дара речи. А Игорь между тем продолжал как ни в чем не бывало:

— Вначале ты должен увидеть свою истинную сущность. И мало увидеть, ты должен удержать ее и показать всем! Скажи, не замечал ли ты за собою в последнее время чего-нибудь необычного?

— В смысле? — насторожился Миша.

— Ну, когда к зеркалу подходишь, например? — Игорь заглянул Мише в глаза.

— Нет, ничего не замечал! — соврал он.

— Ты уверен? — настаивал Игорь.

Миша молчал, он чувствовал, как крупная дрожь начинает колотить все его тело. Видимо, Игорь заметил это, потому что сказал вдруг почти ласково:

— Да не дрожи ты так! Все будет нормально...

К этому моменту они остановились возле черного, блестящего, разрисованного драконами мотоцикла. Игорь осторожно взял Мишу за руку. Весь разговор, который они вели с Игорем по пути сюда, казался Мише чем-то ненастоящим, ну так, как если бы они обсуждали события какого-нибудь фантастического страшного фильма... Но сейчас, стоя возле этого сверкающего мотоцикла, который еще совсем недавно был предметом Мишиных мечтаний, он вдруг с ужасающей ясностью ощутил весь реальный кошмар того, что с ним может произойти. Больше всего на свете ему не хотелось сейчас оказаться верхом на этом черном красавце. Дрожь, колотившая его, все никак не унималась. Судорожно соображая, Миша пытался

отыскать предлог, отговорку, причину, по которой он смог бы отказаться от предстоящей поездки. И точно угадав его мысли, Игорь произнес неожиданно громко, тоном, не терпящим возражений:

— Короче, садись!

Миша беспомощно оглянулся вокруг, взял из рук Игоря шлем, натянул его на голову и покорно взобрался на мотоцикл.

На улице было уже совсем темно, а стрелки часов показывали четверть девятого, когда от дома номер 24/2, урча мощным мотором и выбрасывая в воздух клубы сиреневого дыма, отъехал блестящий черный мотоцикл, искусно разрисованный драконами и тиграми. Пасти нарисованных чудищ, как и положено им, изрыгали желто-фиолетовые языки пламени.

А СКРИПКА?

Похоже, удача сопутствовала их рискованной затее: во-первых, нигде по пути следования Андрея и профессора Привальского не было пробок. А во-вторых, на поиски Ивана им не пришлось тратить драгоценное время — Скрипач в окружении других ребят стоял на крыльце лица.

Времени на долгие объяснения у них не было совершенно, поэтому Андрей, познакомив Ивана с профессором Привальским, предоставил тому возможность коротко и ясно изложить суть их необыкновенного дела. Иван слушал очень внимательно, не перебивая. Лишь в единственном месте, когда речь зашла о том, что Миша исчез, Иван не смог удержаться от горестного восклицания:

— Я так и знал! Я чувствовал! Может быть, мои догадки неуместны, но мне почему-то ка-

жется, что он у НИХ. — Иван как-то виновато, исподлобья взглянул на профессора.

— Я, Ваня, то же самое думаю. Но слушай же дальше: без тебя и твоей скрипки нам не обойтись. — И профессор в самых точных и понятных выражениях поведал Ивану суть пророчества «нелюдей» и ту роль, которая отводится в нем скрипке.

— Значит, я должен буду заиграть на скрипке в тот самый момент, когда Андрей Николаевич швырнет в огонь голову манекена?

— Совершенно верно, — подтвердил профессор.

— А голова есть?

— Целых 13! Весь багажник головами манекенскими забит.

— А где же мы там спрячемся?

— Вот мы и дошли до самого главного, — сказал Василий Иванович и положил перед Иваном лист бумаги и карандаш. — Рисуя план участка. Постарайся припомнить как можно подробнее: какой дом, в особенности крыша, сколько и какие деревья растут на участке. Важна каждая мелочь. Имей в виду, чем выше мы устроимся, тем больше у нас шансов на победу!

К счастью, Иван обладал отличной зрительной памятью. И потом, он все-таки посещал тот злополучный дом целых двенадцать раз! Поэтому составление плана местности не вызвало у мальчика никаких затруднений.

— Так, так, так, — проговорил Василий Иванович, пристально разглядывая рисунок. — А это что за окошко? — Профессор ткнул карандашом в маленькое полукруглой формы окошко, которое Иван изобразил в виде выступа на крыше как раз перед каменной трубой.

— Думаю, чердачное, — ответил он.

— Ну что ж, вперед! Командуй, штурман! — Василий Иванович хлопнул Ивана по плечу.

Андрей повернул ключ зажигания, нажал на педаль газа, но не успели они тронуться с места, как он вдруг закричал не своим голосом:

— Стоп! Ну, вы даете, братцы!

— Что случилось, Андрей Николаевич? — Профессор, устроившийся на заднем сиденье, подался вперед.

— А скрипка?!

И когда Иван побежал за скрипкой, Василий Иванович попросил его захватить еще и рюкзак, и желательнее побольше.

— Вы думаете, профессор, нам удастся незаметно проникнуть на их территорию да еще и на крышу забраться?

— Придется рисковать. Тем более что ничего другого нам не остается!

Тут профессор пристально посмотрел на Андрея:

— Что-то вы мне не нравитесь, Андрей Николаевич... Уж больно взгляд у вас потухший... Знаете что, давайте-ка я сяду за руль. К тому же вам нужно собраться с силами: ведь в ваших руках будет не только голова манекена, но и судьба всего человечества! — Профессор улыбнулся и по привычке подмигнул Андрею, но тот в ответ только тяжело вздохнул. После чего друзья молча поменялись местами.

ЗАМУРОВАННЫЙ В КАМНЕ

Миша догадывался, а вернее сказать, знал наверняка, куда они едут. И когда Игорь остановил мотоцикл у знакомых жестяных ворот, Ми-

ша, слезая с него, ощутил что-то похожее на облегчение: все-таки знакомое место. Страх как-то поутих, и сейчас, входя в калитку, Миша чувствовал одну лишь пустоту в душе...

На пороге появилась знакомая тучная фигура. Казалось, Трофимыч стал еще толще и выше за то время, пока Миша не видел его.

— А! Привез! Ну-ну, ну-ну, — писклявохрюкающим голосом приветствовал он входивших во двор Игоря и Мишу.

— Что же это? Уже десятый час, а ничего еще не готово? — В голосе Игоря слышались явно начальственные интонации. — Занимайтесь своим делом. Своим делом, — повторил он, выделяя голосом слово «своим».

Тут из-за Трофимыча, загородившего собою весь проход, протиснулся тот самый господин в черной шляпе. Не снимая шляпы, он при виде Игоря и Миши неожиданно согнулся в низком поклоне. И простоял в таком положении никак не меньше минуты.

— А ты говоришь, самый главный! — подмигнул Игорь Мише, кивая в сторону согнутого в поклоне господина в шляпе.

— Вас это тоже касается, Евгений Генрихович! — небрежно бросил Игорь, проходя в глубь двора.

— Да все уж наготове... Только вынести осталось, — оправдывался толстяк.

А господин в шляпе поддакивал:

— Вот именно. Сейчас столик поставим... Дров полно... Никак суслика привели? — отвратительно подхихикивая, спросил он, указывая рукой в сторону Миши.

— А медведя не хотите? — ответил Игорь, не оборачиваясь.

— Так уж и медведя! — недоверчиво протянул Евгений Генрихович, а Трофимыч, как бы в поддержку ему, взвизгнул:

— Что-то не похож... Щенок, он и есть щенок...

Но Игорь уже не слушал их. Уверенным, размеренным шагом он продвигался по тропинке, ведущей к сараю. К тому самому, в котором Миша с Иваном натерпелись страху. Внутри слышалась какая-то возня и мужские, явно недовольные чем-то голоса. Игорь остановился у дверей и сказал едва слышно:

— Ну, что там еще?

Тут же из сарая показался мужчина. Он, пригибая голову, вылезал из дверей спиной. Мужчина этот, держась обеими руками за острый конец, пытался вытащить наружу лодку. Но та застряла в дверях, приблизительно посередине. И как мужчина ни дергал ее, лодка не двигалась ни вперед, ни назад.

— Что вы делаете?! — возмутился Игорь. Он шагнул к двери, взялся за края лодки, в том самом месте, где та застряла, и, повернув ее одним ловким движением, изменил угол. Спустя несколько мгновений лодка была успешно вынесена наружу. Оказалось, что с противоположного, усеченного конца ее держал еще один мужчина. На обоих были надеты овчинные тулупы мехом наружу.

Очутившись в сарае, Игорь включил свет. И картина, представшая Мишиному взору, хоть и не была для него неожиданностью, все равно заставила его душу похолодеть и сжаться: все пространство сарая было занято застывшими в самых разных позах... безголовыми манекенами.казалось, что с тех пор, как они с Иваном покинули это

мрачное место, здесь ничего не изменилось. Если не считать отсутствовавшей теперь лодки...

«Зачем он привел меня сюда?» Самые темные предчувствия поднимались в Мишиной душе. Игорь же, заметив побледневшее лицо мальчика, сказал:

— Да не бойся ты! Что, кукол никогда не видел?

Но Миша очень хорошо помнил, на что способны эти «куколки». Но сейчас, при свете лампочки, они были не так уж и страшны. И Миша с удивлением обнаружил, что манекенов этих гораздо меньше, чем тогда с перепугу показалось им с Иваном: тринадцать, ну, от силы пятнадцать... Можно было, конечно, и посчитать, но тут Игорь, словно угадав Мишины мысли, сказал:

— Тринадцать манекенов. — И, помолчав, добавил: — Так надо. Для дела.

После этих, казалось бы, безобидных слов Мише отчего-то стало жутко, и он почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове.

— Нам с тобой — вниз, — сказал Игорь и, легко подхватив одного из манекенов, перенес его к окну. К окну, которое в тот злополучный вечер оказалось спасительным для Миши и Ивана. Сейчас Мише казалось, что целая вечность прошла с тех пор... А на самом деле все произошло всего лишь три дня назад. Тем временем Игорь, вернувшись на освободившееся место, нагнулся и, ловко ухватившись за большое металлическое, почерневшее от сырости кольцо, потянул его на себя. И тут Мишиному удивленному взору открылась черная дыра. В ту же секунду мощная волна резкого, омерзительного запаха, вырвавшись из заточения, ударила прямо в лицо

мальчику. И он, невольно отшатнувшись, попятился к выходу.

— Стой! — тихо, но властно сказал Игорь. — Тебе — туда! — И он коротким кивком головы указал в сторону зияющей чернотой ямы.

Тут послышался слабый щелчок, и косой луч света упал на прорубленные в земле ступени, ведущие в подвал. Миша увидел в руке Игоря фонарь.

— Спускайся, — коротко приказал Игорь. — Ты должен идти первым.

Игорь слегка подтолкнул Мишу в спину. Чем ниже спускался Миша, тем нестерпимее становился этот запах — нашатыря вперемешку с дегтем. И только коснувшись ногами земляного пола (Игорь, шедший сзади, мощным лучом фонаря освещал ступени), Миша почувствовал, как холодно и сыро здесь было. Ступеней — как показалось Мише — было не меньше двадцати, так что, оказавшись в подземелье, он хоть и не видел пока потолка, но чувствовал, что тот находится достаточно высоко. Но уже в следующую-секунду Миша смог как следует рассмотреть помещение, в котором оказался, потому что Игорь включил свет. Да! Было тут чему удивиться: погреб этот представлял собой длинное — метров десять длиной, — но узкое помещение. Похоже оно было на пенал, прорытый под землей... А почти всю противоположную дальнюю стену занимало зеркало, висевшее в тяжелой чугунной раме. Зеркало это имело овальную форму и виселось до самого потолка, который, как и предполагал Миша, был достаточно высоким (особенно для подвала) — метра три, не ниже. У другой стены, недалеко от входа, стояла огромная каменная чаша, заполненная до краев темной, почти черной, тускло поблескивающей

жидкостью. Поморщившись, Миша определил, что жидкость эта и является источником омерзительного запаха. Игорь тут же заметил гримасу, исказившую Мишино лицо. Тогда он опустил кончики пальцев в чашу, поднес их к своему лицу и, изобразив на нем подобие восторга, сказал:

— Почти что «Пуазон»... Ничего, скоро привыкнешь.

Чашу с обеих сторон огибала полукруглой формы каменная приступочка, которая доходила почти до середины стены. На приступочке были выставлены в ряд тринадцать — Миша успел сосчитать — высоких и толстых черного цвета свечей. Фитили свечей были белыми, это свидетельствовало о том, что никто их еще не поджигал. Сооружение же, высившееся от пола и до самого потолка, было выложено из серых разновеликих камней и имело отверстие, расположенное несколько выше центра. Эта каменная перегородка располагалась поперек подвала и делила все вытянутое помещение на две неравные части. Но краями своими она ни справа, ни слева не доходила до земляных стен подвала, и с обеих сторон оставалось достаточное расстояние, позволяющее человеку свободно обходить ее. За этой перегородкой висилась еще одна — металлическая кованая, которая полностью повторяла форму каменной с единственной лишь разницей — на ней не было отверстия. И, судя по массивной задвижке, полукруглым скобам и едва заметному продольному шву, разделяющему ее на две равные половины, она представляла собой дверь, створки которой были теперь сомкнуты. А между каменной перегородкой и металлическими дверями имелось небольшое, сантиметров двад-

цать, пространство, в которое даже ребенок вряд ли смог бы протиснуться. Толщина же каменной перегородки была чуть ли не вдвое шире этой темной полоски пустоты. Сзади, до земляной стены сарая, оставалось еще некоторое расстояние (не более двух шагов), позволявшее, однако, в случае надобности свободно открывать и закрывать обе створки металлической двери. Трудно было представить, для каких целей могло служить это более чем странное сооружение. Тем временем Игорь достал из кармана коробок спичек и по очереди поджег фитили всех тринадцати свечей. Миша заглянул в чашу: гладкая, черная поверхность жидкости отражала теперь тринадцать колышущихся язычков пламени. Затем Игорь, громыхнув тяжелым засовом, потянул за ручки обе створки металлических дверей. Издавая дикий скрежет, они нехотя поддались.

— Помоги! — приказал Игорь.

Створки двери оказались жутко тяжелыми. Они никак не хотели поворачиваться на своих поржавевших петлях.

— Да, пожалуй, достаточно... Ты как, пролезешь? — Игорь заглянул в открывшееся за створками пространство, а потом вопросительно посмотрел на Мишу.

— Никуда я не полезу... — Миша слышал, как жалко, неуверенно и беспомощно звучал его собственный голос.

Игорь ничего не ответил ему. Он, только дотронувшись одним указательным пальцем до Мишиного подбородка, чуть-чуть приподнял его и пристальным долгим взглядом посмотрел мальчику в глаза. И Мише показалось, что внутри у него словно что-то оборвалось.

— Послушай меня, — медленно и тихо произнес Игорь. — Ничего не бойся и делай только то, что я говорю. Это зеркало отразит твою вторую сущность. А когда она откроется тебе, ты войдешь в нее и затем сможешь легко проникнуть через любые преграды. — Игорь указал рукой на круглую дырку в каменной стене. — Мы же, «обращенные», будем ждать тебя наверху, возле священного пламени. Каждый из нас в свое время прошел через это. И не нами придуман этот обряд. Ничего не бойся. Ты один из нас. Шагай! — Игорь толкнул Мишу в спину, и мальчик прикоснулся щекой к холодной шершавой поверхности каменной перегородки.

— Шею вытяни! — командовал Игорь. — Руки в стороны разведи. Тут есть выемки специальные для рук. Чувствуешь? Вот туда их и клади.

Миша действительно обнаружил что-то наподобие углублений в стене и, разместив в них вытянутые в стороны руки, вдруг уперся лбом во что-то острое.

— А, понятно, — озабоченно протянул Игорь. — Сейчас мы это поправим. Ростом не вышел! Выходи!

Потом Игорь положил вниз два деревянных бруска высотой примерно сантиметров по десять каждый. И пока он занимался этим, Мише удалось разглядеть внутреннюю поверхность каменной перегородки, за которой, как он понял, ему предстояло провести неизвестно сколько времени. Там, внутри перегородки, был выдолблен силуэт человека, раскинувшего в стороны обе руки. А вместо головы у этого человека была дырка. То есть, иными словами, это был настоящий каменный футляр с отверстием для головы.

А металлическая дверь служила, по всей видимости, для того, чтобы человек, помещенный внутрь, был плотно прижат к стенкам футляра и не имел возможности пошевелиться. Но Мишиного роста действительно не хватало на то, чтобы голова совпала с дыркой в стене. Вот Игорю и пришлось подкладывать ему под ноги доски. И пока Миша следил за действиями Игоря и изучал внутреннюю поверхность каменной перегородки, в душе его творилось нечто странное: в какой-то момент он вдруг ощутил полнейшее безразличие к тому, что с ним происходило сейчас и должно было произойти в скором времени. Игорь же, покончив с досками, жестом пригласил Мишу занять свое место. И мальчик спокойно вошел в каменный футляр. Теперь все было как надо: ноги и руки заняли предназначенные для них выемки, а голова вошла в овальный проем. Снова раздался металлический скрежет, закрывшиеся створки двери плотно прижали Мишино тело к стенкам каменного футляра. Потом он услышал, как громыхнул где-то за его спиной тяжелый засов. Мальчик оказался замурованным в каменной стене. И только лицо его осталось открытым. А под ним, прямо под его лицом, дрожали языки пламени. Внизу же, отражая все тринадцать языков, слабо темнела жидкость, которой доверху была наполнена каменная чаша. Но самым удивительным было то, что сейчас, стоя прямо над этой чашей и вдыхая густой, едкий запах, Миша не испытывал никакого отвращения. И слезы не текли из его глаз. Запах этот как бы стал органичной и неотъемлемой частью происходящего. То есть частью той реальности, в которой он, повинаясь воле Игоря Ларина, сейчас оказался. И тут до него донесся голос.

И хотя Игорь находился совсем близко, в двух шагах от него, Мише казалось сейчас, что голос звучит откуда-то издалека. Словно принесенные эхом, долетели до его слуха слова:

*Нерт варма хворт зивога
Мерто кераго хав лата
Хио менецы вактарана...*

Раздался громкий щелчок. Лампочка погасла, и земляной подвал погрузился в зыбкий, дрожащий полумрак. Освещался он теперь только тринадцатью мерцающими в темноте языками пламени.

УСПЕЛИ!

Они решили оставить машину около моста. Профессор быстро переодевался. Он захватил с собой куртку и спортивные штаны.

Но Андрею, как и Ивану, переодеваться было не во что. Поэтому они стояли рядом и смотрели на черную полосу леса, начинавшегося сразу за рекой. От света полной луны, отраженного снегом, было светло так, как если бы сейчас только-только начинался вечер, а стрелки часов между тем показывали начало двенадцатого.

— Да, не повезло нам с пробками! Пару часов мы на них точно потеряли!

На Ярославском шоссе они несколько раз застревали в пробках и действительно потеряли на этом кучу времени. Сейчас профессор Привальский размашисто шагал впереди с огромным рюкзаком за плечами.

— Неужели одна голова занимает столько места? — недоумевал Андрей. — Или вы, профес-

сор, еще и бомбу захватили с собой на всякий случай? Признавайтесь!

— Стоп! — Профессор пропустил шутку Андрея мимо ушей. — Вань, дай-ка мне свою скрипку!

Достав из кармана веревку, профессор ловко привязал к своему рюкзаку футляр со скрипкой. Он хотел, чтобы руки у Ивана были свободными, так как предполагал, что этот долговязый тощий юноша вряд ли продемонстрирует чудеса атлетической подготовки. А именно эти качества и понадобятся всем троим, причем весьма и весьма скоро. Решено было забраться на крышу дома и уже оттуда, а если повезет, то из чердачного окошка наблюдать за подготовкой к Концу Света. Руководство операцией как-то само собой плавно легло на широкие плечи профессора Привальского. Идти им оставалось метров двести. Дом Трофимыча одиноко стоял на отшибе, возвышаясь на холмике. Уже издалека, поскольку вокруг стояла необыкновенная тишина, только изредка нарушаемая лаем поселковых собак, они услышали весьма странные звуки. Вначале им показалось, что где-то поблизости завывала милицейская сирена.

— Да нет, это, скорее, реанимационная машина, — возразил Иван, по праву гордящийся своим тонким музыкальным слухом.

— А мне сдается, — вставил свое слово Андрей, — что это ветер воет... Только какой-то ненастоящий, синтетический, что ли...

— Неужели началось? — встревожился профессор. А когда к этому «вою ветра» прибавился ясно различимый крик ребенка, все его сомнения на этот счет улетучились. И профессор Привальский прибавил шаг.

Они не ошиблись — жуткая смесь звуков, состоящая из завываний ветра, волчьего воя, рычания диких зверей и детского плача, доносилась из окон того самого кирпичного двухэтажного дома. Приблизившись к калитке, спутники в нерешительности остановились. Иван со страхом взирал на высоченный глухой забор. Профессор, осторожно опустив ручку, слегка надавил на калитку плечом. Да, это была великая удача! Калитка оказалась незапертой. Но профессор не спешил проникнуть внутрь: припав к образовавшейся щели, он внимательно изучал обстановку. А вдруг это ловушка? Двор был пуст. Нет, вернее, он не был пуст: прямо напротив крыльца на длинном столе лежала деревянная лодка, похожая сейчас на гроб. Неподалеку,

плотно прижавшись друг к другу и выстроившись в круг, замерли человеческие силуэты. Но, приглядевшись, профессор сразу же определил, что это и есть те самые 13 безголовых манекенов. Внизу у ног манекенов были уложены дрова, сухие ветки и бумага. Все казалось готовым для разжигания костра. Из окон дома, не закрытых ставнями, лился, освещая двор, яркий свет. Над дверью профессор разглядел две небольшие прямоугольные звуковые колонки. Из них-то и доносилась жуткая симфония. Но людей во дворе не было. Поэтому профессор, почувствовав в какой-то момент, что пора, и шепнув своим спутникам: «Приготовились!», рванул вперед и, не оглядываясь, побежал, как и было условлено, к заднему торцу дома. Оказавшись в относительной безопасности, профессор дал отмашку Андрею. И через несколько секунд тот стоял уже рядом с другом, прижимаясь спиной к кирпичной стене дома. Однако профессора сейчас беспокоил Иван: только что он, уже во второй раз, махнул рукой, давая Скрипачу сигнал, но тот почему-то медлил. Но вот наконец темный скрюченный силуэт отделился от калитки и, преодолев в несколько неуклюжих гигантских прыжков необходимое расстояние, Иван, весь светящийся от гордости, стоял рядом со своими старшими товарищами. Теперь им предстоял самый сложный и опасный этап. Нельзя было терять ни минуты. Но внезапно заскрипевшая дверь заставила всех троих вжаться в холодную кирпичную стену.

— Закрой калитку! — приказал чей-то высокий, неприятного тембра голос. И через секунду послышался уже другой скрип — торопливых шагов по снегу. И они увидели темные очертания

ния мужской фигуры, спешно удаляющейся от дома в сторону калитки. Провозившись какое-то время с засовом, мужчина уже не так быстро зашагал назад.

— Успели! Надо же, успели! — шептал профессор, не веря своей, вернее, их общей удаче. Андрей молча дотронулся до его руки. Профессор Привальский правильно понял предостережение друга: сейчас они не должны расслабляться. Ни на миг.

ТАНЦУЮЩИЕ ПРИЗРАКИ

Миша ничего не ощущал. Все чувства, как по чьей-то команде, разом покинули его. Нет, это вовсе не означало, что Миша, лишившись чувств, находился в бессознательном состоянии. Сознание его было холодным и ясным как никогда. Но чувства, которые, согласно всем существующим на Земле законам, должен был испытывать оказавшийся в такой ситуации человек, словно бы атрофировались. И Миша, будучи по сути дела замурованным в каменную стену, не испытывал ни страха, ни ужаса, ни даже холода. То же самое касалось и мыслей. Голова его была полностью свободна от них. Трудно сказать, сколько времени пребывал мальчик в этом странном, подобном коме состоянии полного отсутствия мыслей и чувств, только вдруг он осознал или почувствовал, что по его лбу медленно стекает капля. Он открыл глаза и увидел, как в зеркале, находящемся примерно метрах в восьми от него, отражается цепочка огоньков. Мальчик привялся пристально вглядываться в зеркальную поверхность. И через какое-то время он начал различать... зыбкие очертания своего лица.

Внезапно отражение исказилось жуткой, отвратительной гримасой. При этом Миша был уверен, что его лицо, скованное каменным кольцом, оставалось неподвижным. Капля продолжала медленно стекать по лбу. И тут Миша ощутил жгучую, нестерпимую потребность смахнуть ее. Капля жгла кожу, след, который она оставляла после себя, горел, словно кто-то медленно проводил лезвием ножа по Мишиному лбу, спускаясь все ниже и ниже. И тогда он понял вдруг, что корчащееся в зеркале лицо как бы подсказывает ему, что он должен сделать, чтобы избавиться от назойливого ощущения. Но самым удивительным было то, что в следующую секунду Миша увидел, как по зеркалу тоже ползет капля... Ярко-красная, словно подсвеченная изнутри, она горела, оставляя на зеркале алый и тоже горящий след.

«Кровь», — словно констатируя нечто само собой разумеющееся, подумал Миша. Между тем капля ползла уже по его носу, и, как ни пытался он двигать мышцами своего лица, оно — Миша осознавал это четко — почему-то оставалось неподвижным. Как будто бы он начисто утратил способность управлять своими мышцами. А между тем лицо в зеркале продолжало «корчить рожи»: то морщило нос, то поднимало и опускало брови, то вытягивало губы трубочкой, становясь похожим на обезьянью морду. Оно будто нарочно дразнило Мишу, говоря: «Ты вот не можешь ни одной мышцей пошевелить, а я смотри, что выделяваю!» Причем глаза на том лице как бы отсутствовали вовсе, а вместо них зияли две огромные черные глазницы. Возможно, происходило это оттого, что все тринадцать свечей освеще-

щали Мишино лицо снизу, искажая до полной неузнаваемости его черты... Но, так или иначе, смотреть на безобразно кривляющееся отражение не было сил, и Миша попробовал закрыть глаза. Однако это простое автоматическое раньше действие оказалось сейчас недоступным ему. Каплю он по-прежнему чувствовал — теперь она висела на самом кончике носа, и хватило бы микроскопического движения, чтобы она наконец упала вниз. Ничего еще он не желал с такой силой, как избавиться от этой до чертиков надоевшей капли. Миша попробовал пошевелить шеей, но шея тоже отказывалась двигаться. Между тем та красная горящая капля, которая ползла по зеркалу, достигнув края поверхности, стекала сейчас по металлической раме. След, который она оставила после себя, подобно тонкой горячей линии делил всю овальную поверхность зеркала на две равные половины. И вдруг страшным звуком взорвалась тишина подземелья. Как будто тысячи оконных стекол разом разбились вдребезги. Судорога пробежала по всему Мишиному телу. Звон этот еще продолжал звучать в ушах, когда он понял, что капля, висевшая на кончике его носа, наконец-таки упала на земляной пол... И тут мальчик увидел, что очертания отраженного в зеркале лица, подернувшись дымкой, сделались какими-то расплывчатыми и колеблющимися. Исчезла и тонкая огненная линия, и даже не видно было дрожащих язычков пламени. И вдруг оттуда, из зеркала, необыкновенно плотными и тяжелыми клубами повалил сизый, словно подсвеченный по краям пар. Он выходил как бы порциями, через определенные промежутки времени. И прямо на Мишиных глазах эти клубы

начинали приобретать пока еще не ясные, но ужасно странные и причудливые очертания. Через несколько мгновений все пространство подземелья было заполнено извивающимися в дикой и беззвучной пляске призраками... Иначе эти тени и не назовешь. Потому что, передвигаясь на двух ногах и имея схожие с человеческими туловища, они крутили своими звериными головами и размахивали звериными же когтистыми лапами. Миша взирал на творящиеся вокруг чудеса так, словно он был зрителем, оказавшимся на диковинном, необычайном, жутковатом, но все же представлении... Вот он разглядел увенчанную рогами морду козла, а это, кажется, крыса сучит сложенными вместе лапками и выписывает своим длинным хвостом причудливые узоры. Морда медведя, кабана, волка, кота... А это кобра раскачивается в разные стороны... Но ее длинное, изогнутое тело раздваивается книзу, образуя как бы две человеческие ноги... Ящерица... Ее можно узнать по лапкам. Летучая мышь размахивает перепончатыми крыльями... А вот птичья голова с загнутым вниз клювом поворачивается в разные стороны на чьих-то широких плечах. Жаба открывает и закрывает немую огромную пасть... А это жук-скарабей. Две пары тоненьких лапок шевелятся быстро-быстро, но нижняя половина туловища у жука, как и у всех остальных, человеческая. «Фигурки! — проносится в Мишиной голове догадка. Их было тринадцать, значит и призраков должно быть столько же!» Очень быстро Мише удастся сосчитать странных, сотканых из густого дыма полужверей. Так и есть — тринадцать! А тем временем полупрозрачные силуэты то сходятся вместе, то расходятся в сторо-

ны, и движения их кажутся согласованными и подчиненными ритму неслышимой музыки. И внезапно Миша ощутил себя одним из них. Он почувствовал себя танцующим призраком. Телом оставаясь по-прежнему в каменной перегородке, душой он как бы перенесся в дымчатую, зыбкую оболочку одного из призраков. Вот он глядит на свои плывущие в воздухе мохнатые лапы... Как ловко все у него получается! Какой великолепной, густой и словно светящейся шерстью покрыто все его туловище. Теперь он слышит музыку, приводящую в движение все его легкое, призрачное, состоящее из мягкого дыма тело. Но звучит эта странная музыка откуда-то из самой глубины его души... В ней нет мелодии, нет в ней и ритма, вся она словно бы соткана из шума листьев, завываний ветра, криков сов в ночи, предсмертного вопля, застигнутой врасплох жертвы... и еще какого-то одного, самого главного звука... Из его собственного воя! Он видит нос своей вытянутой, покрытой густой шерстью морды, чувствует силу своих мощных лап, ощущает мерные, ритмичные помахивания своего... хвоста; и все это вместе рождает в душе его неизъяснимый восторг и заставляет его задирать вверх морду и издавать этот самозабвенный вой... Но вдруг Миша почувствовал острую боль. Болела голова. Вернее, лоб. Ну, конечно, в попытке резко запрокинуть голову кверху он просто-напросто содрал со лба кожу. Ведь голова его, плотно, словно тисками, сжатая со всех сторон, была буквально протиснута в каменный овал. А кто это сейчас был? Он, Миша Фролов? Мгновенная, но яркая вспышка словно озарила его сознание, и на какой-то миг мальчик почувствовал всю аб-

сурдность, нелепость и невозможность происходящего... Но уже в следующее мгновение реальный сполох багрового света озарил пространство подвала, и Миша увидел, как тают в воздухе пляшущие призраки. Поверхность зеркала задрожала, а потом, успокоившись, стала вдруг ясной, чистой и строгой...

ПОДГОТОВКА К КОНЦУ СВЕТА

Они сидели на чердаке, выглядывая в окошко, которое как раз располагалось над крыльцом. Отсюда двор просматривался как нельзя лучше. И лодка, сверху похожая на кривую ухмылку беззубого чудища, и приготовленные для сожжения 13 манекенов. Иван вместе со своей скрипкой, которую профессору пришлось отвязывать прямо на гребне крыши, сидел, спрятавшись за широкой кирпичной трубой. Он ждал сигнала. Похоже, профессор Привальский, полагавший, что штурм крыши будет едва ли не самым сложным этапом операции, ошибся. Крыша эта оказалась достаточно пологой и покрытой шифером. И наличие соединений между листами шифера во многом облегчило их задачу. Но все же главная удача состояла в том, что на крыше дома толстяка, в отличие от крыш большинства поселковых домов, не лежал снег. Произошло это оттого, что дом отапливался постоянно, и снег, когда его было немного, очевидно просто таял, не успевая скопиться. Словом, без особых приключений вся троица достойно справилась с поставленной задачей. Полукруглые створки чердачного, или, как принято говорить, слухового окошка, оказались незапертыми изнутри, что позво-

лило профессору с Андреем беспрепятственно проникнуть на чердак, не наделав при этом излишнего шума. Да и потом «музыка», доносившаяся из окон и включенная, по всей вероятности, на полную громкость, в данном случае была отважным друзьям очень даже на руку. Ивану же, согласно профессорскому плану, надлежало спрятаться за трубой. Кстати, Скрипач поразил Василия Ивановича, продемонстрировав истинные чудеса ловкости. Теперь же он сидел за широкой, прямоугольной формы трубой и, дрожа от холода, прижимал к груди скрипку. Ваня посмотрел на свои руки: в нескольких местах пальцы и ладони были оцарапаны. Но это было сущими пустяками по сравнению с тем, что пальцы его совершенно окоченели от холода. А ведь ему предстоит играть! Как же он будет такими пальцами струны прижимать? Мальчик положил футляр на колени и принялся интенсивно растирать кисти рук. Ведь неизвестно, сколько еще времени придется тут просидеть! Стрелки часов подходили к двенадцати, но кто их знает, этих оборотней, вместе с их порядками? И потом, нерешенным оставалось самое главное: что именно играть, какую вещь? Ни Андрей, ни профессор толком не ответили на этот вопрос, предоставив «маэстро право выбора».

Периодически Иван выглядывал из-за трубы — во-первых, он боялся пропустить условный сигнал, которым должен был послужить взмах голубого носового платка. Хотя профессор и предупредил его, что вначале внизу должен разгореться костер. Во-вторых, выглядывать то и дело из-за трубы Ивана заставляло элементарное любопытство: ведь не каждый же день увидишь под-

готовку к Концу Света! А внизу между тем во всю кипела странная жизнь. Дикая симфония, составленная из жутких завываний ветра, всхлипов и рыданий младенца, тоскливого воя и свирепого рычания, звучала все громче и громче. И если поначалу страшная смесь звуков рождала в душе юного музыканта ужас, то теперь, если эти звуки и тревожили его, тревога была скорее профессионального свойства: удастся ли ему перекрыть их своей музыкой? Площадка перед крыльцом, освещенная двумя мощными уличными фонарями, просматривалась как на ладони. Время от времени из дома выходили какие-то люди. Сначала они вынесли во двор три табурета, поставили их рядом со столом, на котором лежала лодка. Потом подложили в центр круга, образованного манекенами, несколько березовых поленьев. Станным казалось, что люди эти не переговаривались и вообще, словно не замечая друг друга, действовали как заведенные — угрюмо, сосредоточенно и каждый по отдельности.

Андрей тоже ужасно волновался. Оказавшись вместе с профессором на чердаке, он мог теперь отлично видеть свою цель. То есть то место, куда ему предстояло бросить голову манекена.

Однако больше всего на свете Андрея беспокоила сейчас судьба его племянника.

— Василий Иванович, ну вы же говорили, что он здесь! Почему же его не видно? Или они его взаперти держат? — взволнованно шептал он, тербя профессора за рукав.

— Скоро мы все узнаем! А теперь успокойтесь и возьмите себя в руки. Судьба вашего племянника, впрочем, как и судьба всего человечества, зависит сейчас только от вас.

— Скажете тоже!

А внизу между тем началось движение: четыре крепких на вид мужика выносили из дома и устанавливали на снегу, вокруг обезглавленных манекенов, чучела животных. Тут были чучела и крупных зверей — кабана, козла и даже медвежье, — а так же совсем мелкие, разглядеть которые сверху было невозможно.

— По правилам ритуала, — шептал профессор Привальский, — вокруг костра устанавливаются чучела тринадцати животных. Тех самых, чьи фигурки гуляли все это время по белу свету.

Во дворе появился толстяк Трофимыч. Он катил перед собой то ли столик, то ли ящик... В общем, некое металлическое сооружение на колесах. На голове у него блестели массивные изогнутые рога.

— Я думаю, — шептал профессор, — в этой тележке находятся все собранные за шесть с лишним веков фигурки. Если это так, то толстяк должен пересыпать их в лодку. Потому что в их «посланиях» были такие слова: «...И поплывут все собранные вами звери по огненной реке вечности». Ну или что-то очень похожее, я сейчас точно не помню... Так вот, я и подумал: раз на столе лежит пустая лодка, а в «посланиях» есть указание на огненную реку, то достаточно логично предположить, что фигурки будут брошены в костер при помощи лодки... Зачем-то же они выволокли сюда эту колымагу!

И тут, словно в подтверждение только что сказанного, Трофимыч бросил в снег металлическую квадратную крышку, которой была накрыта тележка. И в тот же миг ровное зеленоватое свечение, струящееся из металлического ящи-

ка, предстало изумленным взорам профессора, Андрея и Ивана. Это светились маленькие фигурки. А поскольку в ящике их было много, больше двух тысяч, то и излучение получилось довольно-таки мощным: словно на дне ящика лежала горящая лампа, скрытая под громадным зеленым абажуром. Тут к толстяку подошли еще двое. Затем трое мужчин взялись за края металлического ящика, подняли его над лодкой, и в следующий миг на дно лодки посыпалось великое множество маленьких зеленоватых огоньков. И если бы не знать, к какому страшному делу велась тут подготовка, то зрелище это можно было бы назвать необыкновенным и даже фантастическим.

— Вот видите, Андрей Николаевич, — прошептал профессор, — я не ошибся: лодка была предназначена именно для фигурок! — Василий Иванович был доволен своей догадливостью. И даже не думал скрывать это.

Тем временем Трофимыч, сняв с головы тускло поблескивающие рога, положил их вслед за фигурками в лодку.

— А этот жест что, по-вашему, означает? — спросил Андрей, пристально вглядываясь вниз.

— Точно не знаю, но думаю, что рога — это символ звериной силы... — неуверенно рассуждал профессор, — и, сняв их с себя, он как бы возвращает животным то, что им принадлежит по праву. Да мало ли каким значением могут быть наделены культовые обряды! Возможно, что и сами «нелюди», спроси вы их, не смогут разложить по полочкам каждый свой шаг...

Мужики — а их, не считая самого толстяка, было четверо — выстроились в линию справа от

лодки. Все они были одеты одинаково: в какие-то мохнатые, вывернутые мехом наружу тулупы. И вдруг все звуки смолкли. Профессору, Андрею и Ивану внезапно наступившая тишина показалась настоящей благодатью, но радость их длилась недолго: секунд через пять жуткая какофония возобновилась, только теперь ко всем существующим ранее звукам добавился еще истеричный, надрывный хохот. Причем хохотал не один человек, а сразу несколько.

— Кассету переставили, — прокомментировал как бы уже по привычке профессор и продолжил: — Плач и смех — крайние проявления эмоций человека, ветер — это природа, буйство стихий. Скоро сюда еще и огонь добавится. Только настоящий. А волчьи завывания, крики ночных птиц и всяческие рычания, так вот это, как вы понимаете, не что иное как олицетворение второй половины их сущности: звериной. Так, во всяком случае, мне все это представляется...

Видимо, профессор хотел еще что-то добавить, но не успел, потому что снизу раздался жуткий, ни на что не похожий грохот. Несколько человек попытались поднять с земли и установить на ребро огромный, не меньше пяти метров в диаметре металлический диск. До сих пор лежащий на земле и засыпанный снегом диск этот был совершенно незаметен. Теперь же, будучи поднятым, он открывал огромный черный круг свободной от снега земли.

— Символ луны, — сказал профессор, — значит, скоро начнут. В «посланиях» по этому поводу сказано следующее: «Когда копыто козла коснется медного круга, вы, человеко-звери, должны разжечь Священное Пламя».

На этих словах из дома вышли двое. На голове одного была надета черная шляпа. В руках он держал толстую слегка изогнутую палку, примерно с метр длиной. Вся она была покрыта шерстью, а на конце имелось как бы уплотнение.

— А вот и козлиное копыто! Приготовьтесь, Андрей Николаевич! — И профессор вложил в руки Андрея голову манекена.

Тем временем второй человек, вышедший из дома, приближался к безголовым манекенам. В руках он нес белую канистру. На плечах его развевалась легкая черная накидка. С неба крупными хлопьями повалил снег. Человек в черной накидке (а это был Игорь Ларин) приблизился к месту предполагаемого костра и, открутив крышку, щедро облил манекенов какой-то жидкостью. После чего, отшвырнув пустую канистру в сторону, он уверенным шагом направился к лодке. Тут те четверо, которые все это время неподвижно стояли возле лодки, и Трофимыч легко, как пушинку, подхватили ее и подняли над головами на вытянутых руках. И когда Игорь, сделав всего лишь шаг, встал в этой цепочке первым, все звуки разом смолкли, и воцарилась напряженная, словно пронизанная ожиданием чего-то страшного, тишина. Андрею, сжимающему в руках холодную пластиковую голову манекена, казалось, что он слышит, как на землю ритмично и как бы большими порциями падают снежинки. Но на самом деле это были удары его собственного сердца. В глазах рябило, жутко хотелось пить...

Находясь в невероятном напряжении, Андрей почти ничего не видел перед собой. Сейчас в голове была только одна мысль, вернее, даже не мысль, а приказ самому себе: «Попасть!»

В это время от металлического круга отделилась одна мужская фигура. В руках у мужчины горел факел. Уверенным шагом он приближался к безголовым манекенам.

Иван осторожно поднялся на ноги. Теперь конец кирпичной трубы был чуть выше его пояса. Слегка облокотившись боком о ее край, Иван обрел необходимую устойчивость. Скрипка уже лежала на его плече, подбородок уверенно лег в ложбинку, а смычок был занесен над струнами. Все-таки ему удалось отогреть пальцы, а может быть, они ожили от волнения... Но даже сейчас, когда до его «выхода» оставалось, возможно, несколько секунд, юный музыкант так и не решил, что именно будет играть.

Но тут, взорвав напряженную тишину, раздался гулкий вибрирующий металлический удар. Блеснул, отражая свет фонарей, медный круг диска. Факел, описав в воздухе горящую дугу, коснулся плеча одного из манекенов, и ярко вспыхнуло, поднявшись, казалось, до самых небес фиолетово-желтое пламя. Процессия с высоко поднятой лодкой тронулась с места.

И, не дожидаясь профессорской отмашки, Иван заиграл... Пальцы сами собой легко заскользили по грифу скрипки. И, слушая себя как бы со стороны, Иван с изумлением узнавал в мощных, эмоциональных, зажигательных звуках мелодию «Чардаша» Монти... Музыка взмывала ввысь, все набирая и набирая обороты... А там, внизу, на какой-то миг все застыло,

словно в стоп-кадре — и предметы, и люди, внезапно охваченные диким оцепенением.

— Бросайте же, Андрей Николаевич!

В ту же секунду из чердачного окошка стремительно вылетело что-то темное и круглое. Но, попав в металлический диск, с пронзительным звоном это нечто отлетело куда-то в сторону и, упав в снег, утонуло в нем.

— Промазал! — простонал Андрей. — Что теперь будет?!

ОДНА ГОЛОВА — ХОРОШО, А ДВЕ — ЛУЧШЕ!

Зеркальная поверхность стала гладкой и строгой. И какое-то время в ней отражалась только мерцающая цепочка тринадцати языков пламени. Миша стоял с закрытыми глазами. Кожу оцарапанного о камни лба щипало и жгло. Но вдруг он почувствовал в том самом месте холодок и приятное легкое покалывание. А откуда-то изнутри сгустком как будто бы поднималась к горлу энергия. Все его тело внезапно наполнилось силой. Он открыл глаза и ясно увидел в зеркале отражение своего, теперь показавшегося ему свежим и как бы ожившим, лица. И тут прямо на глазах его лицо, отраженное в зеркале, начиная со лба, начало вдруг покрываться густой серо-коричневой... шерстью. В какие-то несколько секунд оно сделалось мохнатым, словно плюшевым, и затем передняя его часть начала вытягиваться и уплотняться... Вместе с тем тело превратилось в сгусток энергии и неудержимо рвалось из каменного заточения. И он ясно ощутил, что проема, в котором еще секунду назад едва умещалась голова, будет теперь вполне достаточно, чтобы через него выпрыгнуло наружу

все его тело, сжавшееся вдруг каким-то непостижимым образом. Теперь на мальчика бесстрашно глядели из зеркала два желтых волчьих глаза. Он открыл пасть, сухо щелкнул крепкими белыми зубами и напряжинил мышцы четырех сильных лап. Он четко знал, что и в какой последовательности должен теперь делать...

Иван продолжал играть, хотя и видел, что внизу происходит нечто страшное. Мелодия, овладев всем его существом, вела его за собой, и юный скрипач, действуя как во сне, казалось, просто не мог теперь остановиться.

— Вот он! На крыше! Ловите его! — бегали и орали, задрав головы, охваченные паникой «нелюди».

— Держите, Андрей Николаевич! — выкрикнул не своим голосом профессор Привальский, вытаскивая из рюкзака вторую голову. — Но учтите: это последняя!

И вылетевшая из окна в следующий миг голова угодила на этот раз прямо в цель. Мощным взрывом сотряслось пространство. Как будто не пластиковую голову, а килограмм динамита бросил Андрей в огонь. Ярчайший сполох озарил затем двор. Лодка упала на снег, перевернулась, и вдруг из-под нее с диким визгом выскочил огромный, покрытый густой шерстью вепрь. Вереща как резаный, зверь понесся в сторону калитки. А следом за вепрем вприпрыжку скакал черный козел. Люди в вывернутых наизнанку тулупах, а их оставалось теперь семеро, со страшными воплями, расталкивая друг друга, падая и поднимаясь, тоже ринулись к воротам. Кому-то удалось открыть засов.

Только теперь Иван опустил скрипку. С ужасом он глядел на разбегающихся в разные стороны людей и зверей... И ему казалось, что он слышит, как сотрясается и дрожит земля под тяжелыми копытами дикого кабана, убегающего в сторону леса.

Не веря своим глазам, Андрей глядел на быстро удаляющийся силуэт козла... И только шляпа, чернеющая на снегу, служила напоминанием о том, что еще несколько минут назад это испуганное животное было человеком...

А Василий Иванович Привальский смотрел в небо. Там, над рекой, парила крупная, невиданная для этих мест хищная птица... И хотя профессор, в отличие от Ивана и Андрея, ожидал подобной развязки, но даже он не мог до конца поверить в реальность происходящего. А между тем три оборотня, которым уже не суждено было снова стать людьми, осваивали пространство неба и земли в поисках нового обиталища...

— Фантастика, — пробормотал он, накручивая на палец свой правый ус. И, помолчав секунду, воскликнул: — Однако хорош бы я был, если б взял с собой только одну голову! Мы победили! Победили, Андрей Николаевич! Хоть и со второй попытки... Одна голова — хорошо, а две, как говорится... — Профессор оборвал себя на полуслове. Бледное и измученное лицо Андрея совсем не было похоже на лицо победителя.

— Пойдемте искать Михаила, — сказал он дрогнувшим безжизненным голосом.

И столько отчаяния и боли услышал профессор в голосе друга, что невольно устыдился своего шутивого тона.

ЭТО К МОРОЗУ!

Он очнулся, как от удара. Весь земляной пол подвала был усеян мельчайшими осколками. На стене висела овальная чугунная рама... Мысли путались в голове. Какое-то страшное, но неопределенное ощущение, похожее на осадок от только что приснившегося кошмара, маячило где-то на краю его сознания... Зеркало! Это было связано с зеркалом... Там, в зеркале, он увидел что-то жуткое, а потом зеркало с сухим хрустом треснуло и разбилось вдребезги... Но не само разбилось... Кто-то чем-то запустил в него... Нет, не кто-то, а он сам, вернее, что-то вырвавшееся из его, Мишиной, души, камнем ударилось в зеркало... И оно разбилось вдребезги... Но что он увидел там, до того как оно разбилось? Нет, он никак не мог этого вспомнить. И вдруг откуда-то сверху послышались крики. Знакомые, родные, громкие, живые голоса... И они зовут его по имени! Миша хотел крикнуть: «Я здесь!» — но из горла вырвался только хриплый, почти беззвучный стон...

Голоса приближались... Шаги... И яркая, ослепляющая вспышка света. Дальше, словно в тумане, он видел знакомые, но почему-то испуганные лица, слышал доносящиеся откуда-то издалека голоса... Лязг открывающегося засова... И вдруг чьи-то сильные и надежные руки подхватили его и понесли... В следующий миг он потерял сознание.

Первое, что увидел Миша, когда открыл глаза, было склоненное над ним, улыбающееся лицо Скрипача.

— Ну, наконец-то! Очнулся! — радостно закричал Иван. — А то я уж думал, что эти, как их там... погрузили тебя в летаргическую спячку!

Тут же на крик Ивана прибежали Андрей и профессор Привальский. Андрей с облегчением вздохнул и сказал:

— Ну, ты даешь! С возвращением...

— А что я вам говорил! Обыкновенный обморок. Дайте ему напиток, а сами пожалуйста-ка сюда! — деловито произнес профессор и с озабоченным видом куда-то скрылся. Андрей последовал за ним.

Миша с удивлением огляделся: комната, в которой он сейчас находился, показалась ему знакомой... Ну, конечно, вот и картинки с изображением зверей... Значит, они все находятся сейчас у Трофимыча! А где же в таком случае хозяин?

И тут Иван, опередив вопросы, начал захлебываясь рассказывать другу о случившемся. Миша слушал, затаив дыхание, но чем дальше рассказывал Иван, тем больше Мише казалось, что речь идет не о реальных событиях, а о каком-то невероятно интересном, жутко крутом... фильме ужасов. Но тут в комнате снова появился профессор. И, обращаясь к Мише, он произнес торжественно и серьезно:

— Да! Так что вы, мой юный друг, можете по праву гордиться своим дядюшкой. Ведь кто знает, может быть, сегодня он действительно предотвратил нечто ужасное... — Василий Иванович помолчал, наматывая на палец правый ус, улыбнулся, хитро прищурился и добавил: — Впрочем, без помощи этого талантливой и к тому же бесстрашного молодого человека, — профессор опустил руку на плечо Ивана, — нам пришлось бы ой как туго!

Тут в разговор вступил Андрей:

— Не скромничайте, профессор! Что бы мы все делали, не расшифруй вы своевременно древние «послания»? Так что, можно сказать, что вы, Василий Иванович, — мозг нашей, как теперь принято выражаться, команды.

— В таком случае, вы ее руки, Андрей Николаевич!

— А Иван — голос! — поддержал шутку уже окончательно пришедший в себя Миша.

— Предлагаю временно прекратить взаимный обмен любезностями и достойно завершить наше общее дело, — подвел черту профессор, серьезно сдвинув брови.

По настоянию профессора Привальского они должны были собрать и сжечь все, что могло послужить хоть малейшим напоминанием о деятельности теперь уже бывших «нелюдей». Сам профессор с помощью Андрея уже успешно отправил в костер и те одиннадцать голов, что лежали в багажнике, и даже отыскал в снегу первую, неудачно брошенную Андреем. Таким же образом они избавились от чучел и старой лодки. Фигурки же, рассыпанные на снегу, профессор собрал и объявил членам команды, что забирает их все в личную коллекцию старинных безделушек, поскольку теперь фигурки эти ни для кого не представляют опасности. Кстати, почему-то фигурки совершенно утратили свое свойство светиться в темноте... Точно так же Василий Иванович, заручившись всеобщим одобрением, решил поступить и с золотыми рогами, которые, к слову сказать, оказались никакими не золотыми и даже не позолоченными. И теперь профессор Привальский и Андрей с озабоченным видом

ходили по дому, срывая со стен картинки с изображением животных и отыскивая во всевозможных ящиках кассеты с записями ужасных звуков. Мальчики же относили эти трофеи во двор и сжигали в костре. В один из таких выходов во двор Миша шепнул Ивану:

— Скрипач, а давай в сарай заглянем!

— Зачем? — Иван подозрительно покосился на друга.

— Ну, мало ли, может там тоже остались следы этих «нелюдей», так мы с тобой их быстренько уничтожим...

Но сколь же велико оказалось удивление мальчиков, когда, включив свет, они не только не увидели никаких следов «нелюдей», но даже не обнаружили люка, под которым было скрыто подземелье. И как тщательно они ни пытались найти потайной лаз, все безуспешно — земляной пол сарая оказался совершенно гладким. Поверить в это было невозможно, ведь совсем недавно они втроем: Иван, профессор и Андрей поднимались по земляным ступеням... А Василий Иванович нес на руках Мишу... И когда мальчики, прибежав в дом, перебивая друг друга, начали делиться с профессором этой сногсшибательной новостью, тот, вопреки их ожиданиям, нимало не удивился, припомнив то место в «посланиях», где прямо говорится, что «как только пламя коснется головы брошенной в огонь», все тайные ходы «нелюдей» должны исчезнуть.

Да, чтобы осмыслить все это и... принять, всем четверым требовалось время.

— В путь, господа! Пора. — Профессор Привальский решительно шагнул в сторону двери.

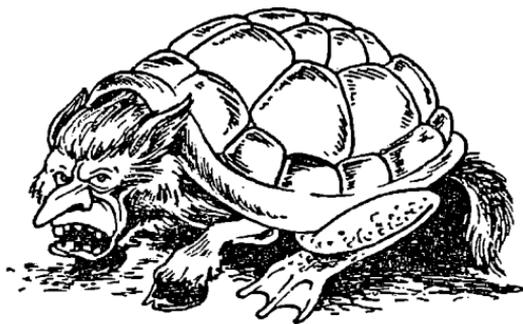
Костер уже догорал. Выйдя за калитку, они

увидели черный мотоцикл фирмы «Харлей-Дэвидсон». Освещенный луной, он был похож на гигантское мертвое насекомое, по ошибке занесенное на Землю космическим ветром... Пройдя несколько шагов, Миша оглянулся. Просто так, без всякого сожаления. Но Андрей, заметив это, спросил, обращаясь к профессору:

— А что же, Василий Иванович, так все и бросим? Хозяева-то уже не вернутся, надо полагать... Может, милицию вызовем? А то как-то...

— Ах, дорогой мой Андрей Николаевич, — перебил его профессор, — сегодня вы предотвратили Конец Света! Так не забивайте же голову пустяками! Взгляните-ка лучше на небо! — И добавил вдруг совершенно другим, неромантическим голосом: — Звезд — прорва! Это к морозу...

И совершенно непонятно было, шутил ли Василий Иванович, рассуждая о несостоявшемся Конце Света, или говорил серьезно.

СОДЕРЖАНИЕ

РАСПЛАТА ЗА ОБМАН	5
ПРОЩАЙТЕ, ДЕНЕЖКИ!	9
ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЛАН	14
КРУГ В КРУГЕ ИЛИ ЗОЛОТЫЕ РОГА	15
13 РАЗНЫХ ЛИЦ	20
СРЕДИ БЕЗГОЛОВЫХ МАНЕКЕНОВ	24
ТРИНАДЦАТЬЮ ТРИНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ РАЗ	31
ИГОРЬ ЛАРИН	32
СБОР ПОД БАШНЕЙ	37
НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ В ПУСТОМ АНГАРЕ	40
НЕПОНЯТНАЯ КЛЯТВА	44
ПЕРВАЯ ФИГУРКА	49
ТАНЕЦ БЕЗГОЛОВЫХ МАНЕКЕНОВ	51
СТРАННАЯ СИМФОНИЯ	57
КРИБЛЕ! КРАБЛЕ! БУМС!	58
СВОРА ДЬЯВОЛЬСКИХ ПСОВ	62
ПОЖАЛУЙСТА, ВОЗЬМИ ТРУБКУ!	66
РАЗГОВОР НА КУХНЕ	69
ЧЕЛОВЕК БЕЗ ОТРАЖЕНИЯ	73
ВНЕЗАПНАЯ БОЛЕЗНЬ	81
ФОРМУЛА НЕЛЮДЕЙ	82
СПАСАЮЩИЙ СЛОВОМ	91
ПРОИСШЕСТВИЕ В ВАГОНЕ	96
13 ОТРУБЛЕННЫХ ГОЛОВ	99
НЕ НАДО ДЕНЕГ, ГОСПОДА!	107
ТЕПЕРЬ ТЫ НАШ	114
А СКРИПКА?	119
ЗАМУРОВАННЫЙ В КАМНЕ	121
УСПЕЛИ!	131
ТАНЦУЮЩИЕ ПРИЗРАКИ	135
ПОДГОТОВКА К КОНЦУ СВЕТА	141
ОДНА ГОЛОВА — ХОРОШО, А ДВЕ — ЛУЧШЕ!	149
ЭТО К МОРОЗУ!	153

Дорогие читатели!

Издательство «Книги «Искателя» предлагает
вашему вниманию серию «УЖАСТИКИ».

Книги этой серии:

Э. УСПЕНСКИЙ «Красная рука,
черная простыня, зеленые пальцы»

«Домовенок в стране ужасов»
«Тайна формулы ужаса»

Адрес издательства:

*127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5А,
офис 1607. Издательство «Книги «Искателя»*

Также предлагаем вам книги следующих серий:

«ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ»,

«ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»,

«БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА»,

«БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»,

«ПО ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ»,

«ВСЕМИРНАЯ КЛАССИКА»,

«КОЛОКОЛЬЧИК», «БЕЛОСНЕЖКА»,

«ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

(секреты и история развития уникальных
фокусов, пасьянсы, гадания)

КНИГА-ПОЧТОЙ!

Если вы хотите подписаться
на интересующую вас серию
или заказать отдельные книги,
пришлите заявку по адресу:

127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5А,
офис 1607. Издательство «Книги «Искателя»
с пометкой книга-почтой

Телефоны для справок:
(095) 285-39-27; 362-89-96
E-mail: iskateli@orc.ru

Для среднего школьного возраста

Е. ЧАПАЕВА

ТАЙНА ФОРМУЛЫ УЖАСА

Художник А. Шахгелдян

Технический редактор Л. Никитина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.08.2002. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 8,4. Гарнитура «Школьная». Бумага типографская. Печать высокая.
Тираж 6000 экз. Заказ № 2332.

ООО «Книги «Искателя», 103013, Москва, ул. Суцевская, д. 21.
Издательская лицензия ИД № 06095 от 19.10.2001.

Гигиенический сертификат 77.99.2.953.Д.000368.01.01 от 26.01.01

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для справок:
(095) 285-39-27, 362-8996

ISBN 5-94743-128-9

9 785947 431285